

Наталья Солнцева

Камасутра от Шивы

Глория и другие

Наталья Солнцева
Камасутра от Шивы

«АСТ»

2015

Солнцева Н. А.

Камасутра от Шивы / Н. А. Солнцева — «АСТ», 2015 — (Глория и другие)

Шива – индийское божество, которое очень привлекательно для многих мужчин, поскольку является символом мужского начала. А народные поверья приписывают ему массу привычек и достоинств, которыми хотел бы обладать каждый мужчина. Далекая Индия, таинственная и манящая, делает его еще более загадочным... Она искала в нем утolenия тоски и избавления от страданий. Он – слияния и небесного экстаза. Древняя мудрость Востока гласит: будь осторожен в своих желаниях. Участь каждого из нас predetermined небесами, и за каждым, кто ступил на тропу познания непознанного, здесь по пятам следует темное облако смерти. Но кто же несет в себе смерть: Он или Она? И сумеет ли Глория, прекрасная ясновидящая, разгадать чужую тайну и сохранить свою?

Содержание

Глава 1	6
Два месяца тому назад, Москва	8
Глава 2	11
Подмосковный поселок Черный Лог	11
Глава 3	15
Индия, Северный Гоа	15
Глава 4	20
Москва	20
Глава 5	24
Подмосковная деревня Прокудинка	24
Глава 6	29
Индия, Северный Гоа	29
Глава 7	34
Черный Лог	34
Глава 8	39
Москва	39
Глава 9	43
Москва	43
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Наталья Солнцева

Камасутра от Шивы

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.*

*Мне известен греческий лабиринт, состоящий из одной-единственной прямой линии. На этой линии заблудилось столько философов, что не мудрено было запутаться простому детективу.
(Хорхе Луис Борхес)*

© Н. Солнцева, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша

Наталья Солнцева

Глава 1

Что есть жизнь? И что есть смерть? Как провести грань между ними? Существует ли эта разница в реальности или исключительно в воображении? Ведь все, что человек может постигнуть, он пропускает сквозь свой ум. А сам ум – тоже загадка! О нем говорят, но его нельзя ни увидеть, ни пощупать.

Как сходят с ума? Это болезнь? Или состояние, когда отказывает внутренний контроль?

У идущей впереди женщины – красивая фигура и горделивая осанка. Прямая спина, точеные плечи, ухоженные волосы. Узкая юбка обтягивает бедра, открывает округлые икры и изящные лодыжки. На плече – стильная сумочка. В руках женщина несет пакет с продуктами. Вероятно, она купила фрукты и что-нибудь молочное, обезжиренное.

Такие барышни знают себе цену. Они не таскают из магазинов кошелки, набитые мясом, овощами и макаронами. Они не любят домашнее хозяйство. Они тщательно следят за своим здоровьем и внешностью. Они делают карьеру или выскакивают замуж за состоятельных мужчин. Они...

Впрочем, касательно той, которая шагает по тропинке, протоптанной через газон, любые рассуждения потеряют актуальность буквально спустя пару минут. Ее время заканчивается. Ее дорогие наручные часики отсчитывают последние мгновения... Тик-так... тик-так... тик-так...

Идущая впереди женщина не подозревает, что жить ей осталось всего ничего. Что сзади крадется ее смерть. Сжимает в руке оружие, которое вот-вот обрушится на ее голову, разmozжит череп и повергнет в крошечный мрак...

«Вероятно, у тебя умные мозги, – думает убийца, глядя на затылок жертвы и примериваясь для удара. – Но они тебе больше не понадобятся!»

Вокруг темно. Между деревьев пролегает тропинка, по которой след в след шагают женщина и ее смерть. Сверху на них смотрит луна и ухмыляется. Ей-то известно, что будет дальше.

«Ничто тебя не спасет, – твердит убийца, глядя на движения бедер жертвы, элегантную юбку и белеющую в разрезе ногу. – Ни молодость, ни красота, ни ум! Никто не виноват, что так случится. Это все звезды! Они определяют твою судьбу. Не я! Они обрекли тебя на раннюю кончину. А ты, небось, любовалась ими, загадывала желания и мечтала о счастье...»

Участь каждого предопределена небесами. Так что исполнитель ни при чем. Он только осуществляет волю звезд и планет, их конкретного расклада в конкретный момент времени.

Жертва замедлила шаги. Она что-то почувствовала. Но было уже поздно! Она даже не успела обернуться, чтобы взглянуть на свою смерть...

Рука убийцы взметнулась... Удар!.. Женщина упала ничком на черную, посеребренную луной траву... ее юбка задралась, пакет отлетел в сторону...

– Ха-ха-ха-ха!.. Хи-хи-хи!.. Ох-хо-хо-хо-хо!.. – рассыпался по скверу зловещий заливи-
стый хохот. – Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха-ха-ха!..

Два месяца тому назад, Москва

Аля была старше Гора на несколько лет. Он – интеллигентный, презентабельный; она – худощавая шатенка с наметившимися на лице морщинками. Плечи чуть широковаты, грудь плоская, бедра сухие, как у манекенщицы. Возраст выдавало лицо и еще, пожалуй, кожа.

Они познакомились в вегетарианской столовой, открытой кришнаитами.

– Вообще-то я – шиваит, – с улыбкой сообщил мужчина, подсевший за ее столик.

– Что? – не поняла она.

– Ну... есть последователи бога Кришны, а есть последователи Шивы.

– Кто из них главнее?

– Мне больше нравится Шива.

Аля была новичком в этой среде. В древних индуистских учениях она искала избавления от страданий. Ей почти сорок, а жизнь не устроена, в душе бедлам, прошлое хочется забыть, как страшный сон. Друзья отошли, семьи нет, на карьере пришлось поставить крест. Податься некуда. Не жизнь, а выжженная пустыня. Аля знала, кто виноват в ее бедах. Но что с того?

С церковью у нее не заладилось. Мать умерла. После похорон Аля заливала горе алкоголем, но поняла, что так она погибнет. Знакомство с Гором оказалось соломинкой, за которую она ухватилась. Быть может, еще не все потеряно.

В тот вечер за ужином из овощей и постных лепешек Аля пришла к мысли, что судьба неспроста послала ей Гора. В чем-то они схожи. Вот только в чем?

Она не стала ломать голову над этим вопросом. Время покажет.

Вскоре Гор предложил ей встречаться. Он не скрывал, что женат. Алю смущала разница в возрасте.

– У тебя комплексы, – сказал он. – На самом деле ты красивая, и не важно, сколько тебе лет. Поедешь со мной в Гоа?

– В Индию? Это жутко дорого. Где я возьму денег?

– Что-нибудь придумаем.

– А виза?

– Устрою, – пообещал Гор. – Индия избавляет от комплексов и лечит тоску. У меня как раз отпуск намечается.

– Твоя жена тоже поедет?

– У нас с ней разные интересы. Мы свободные люди, и каждый развлекается по своему вкусу. Я не мешаю ей, она – мне.

– Как ее зовут? – зачем-то спросила Аля.

– Тамара.

– У вас есть дети?

– Мы еще не нагулялись, – засмеялся он. – Тамара работает в рекламной компании, у нее большие амбиции.

– А у тебя?

– Карьера – это скучно. Я уже преуспел во всем, что считал важным. Теперь мечтаю о прорыве.

– Куда ты хочешь прорваться?

– В заоблачные сферы!

Гор много шутил и совершенно запутал Алю. Она уже не надеялась на отношения с мужчиной, и встреча с Гором показалась ей добрым знаком. Он не лез в душу, как другие. Вместо пошлых комплиментов рассказывал о трех богах, в которых верят индусы: Брахме, Вишну и Шиве. Ему удавалось рассмешить Алю, поразить ее воображение. Она ловила себя на том, что ей грустно расставаться с Гором.

На одной из совместных прогулок Аля спросила:

– Ты серьезно говорил про Индию?

– А ты сомневаешься?

– Как тебе сказать... Я не верю в бескорыстие. Мы едва знакомы, и вдруг ты приглашаешь меня в поездку, которую готов оплатить. Что я буду должна за это?

– Составишь мне компанию. Не люблю развлекаться один. Там, в Гоа, все по-другому, не так, как в Москве. Ты поймешь.

– Все равно странно. У тебя есть лишние деньги?

– У меня достаточно денег. И я не экономлю на удовольствиях. Считаю, это мое чудачество.

– Пунктик? – кивнула Аля.

– Фишка!

Она молча покачала головой. Слишком простое объяснение.

– Ты чем-то меня задела, – добавил Гор. – Могу я провести отпуск с женщиной, которая меня волнует?

– А что скажет твоя жена?

– Она не ревнива, впрочем, как и я.

– Ты тоже рекламщик?

– Я врач, – улыбнулся он. – У меня частная практика.

– Стоматолог?

– Почему сразу стоматолог? Я гомеопат. Лечу подобное подобным. То, что вызывает болезнь, может с ней и справиться. Традиционная медицина противодействует недугу, а я ему потакаю. Клин клином, как говорится.

– Станный подход.

Аля была не сведуща в медицине, и Гор не стал развивать тему.

– Кстати, на здоровье не жалуешься? – осведомился он.

– А ты хочешь предложить свои услуги?

– Почему бы нет?

– Надеюсь, это не понадобится.

Тот теплый летний вечер сблизил их сильнее, чем иных сблизжают годы общения. С Гором было легко, весело. Он обладал приятной наружностью, острым умом и свободными взглядами.

– Наверное, твои пациенты тебя обожают...

– Угадала.

– Слушай, а чем занимаются шиваиты?

– О-о! Они наслаждаются! Они постоянно в кайфе!

– Неужели это возможно? – вырвалось у Али.

– Еще как...

– Научишь меня ловить кайф?

– Обещаю!

Гор возил ее по темным улицам на своем авто. Это был белый «Форд Фокус». Сидя рядом с водителем, Аля созерцала его мужественный профиль и терзалась подозрениями. Предыдущий негативный опыт оставил в ее сердце глубокий след, незажившую рану. Вероятно, эта боль заставляла Алю искать в действиях Гора скрытый подтекст, некие замыслы относительно нее. Хотя какой интерес она может представлять для преуспевающего женатого врача? Денег у нее кот наплакал, молодость прошла, из недвижимости только однокомнатная квартира в спальном районе.

– Хорошая у тебя машина...

– Новая модель, – похвалился он. – Взял в кредит, теперь выплачиваю. Жена не водит. У нее плохое зрение. У тебя есть права?

– Ни прав, ни машины.

– Нормально, – одобрил Гор. – Не женское дело руль крутить. Нужно иметь мужчину-водителя. Такого, как я.

Аля пожала плечами. После смерти матери она едва сводила конца с концами. Какая машина? Хватало бы на еду и тряпки. Гор, вероятно, обратил внимание, как она скромно одета, и не задавал лишних вопросов, щадил ее самолюбие.

Не то, чтобы Аля стеснялась своего вида, скорее, ей было досадно. Что с ней не так? Почему она не сумела поймать птицу счастья? Может, судьба дает ей шанс в лице этого улыбающегося доктора?

– Ты умеешь медитировать?

– Конечно, – кивнул он. – Хочешь, научу? Это просто. Принимаешь позу лотоса, слушаешь *мандо* и блаженствуешь. *Мандо* – нечто среднее между индуистским песнопением и серенадой. А потом куришь *чиллом*.

– Это специальный табак?

– Трубка с «божественным ароматом Шивы». Смесь табака и *чараса*.

В салоне машины пахло Индией. Аля могла бы поклясться, что ощущает душистый дым, которым пропиталась обивка сидений.

– Вообще-то я не курю...

– Я не признаю сигарет, если ты об этом, – пояснил Гор. – Однако *чиллом* стоит того, чтобы попробовать.

Але нравилось его ненавязчивое ухаживание. Все-таки он за ней ухаживал. Несмотря на амбициозную жену и разницу в возрасте.

– Я позвоню, – говорил он на прощание и по-детски целовал ее в щеку.

День за днем она пыталась понять, что в Горе настораживало ее, казалось притворным. Но так и не поняла...

Глава 2

Подмосковный поселок Черный Лог

– Последний сон! – прошептал кто-то, и Глория открыла глаза.

Она лежала на своей кровати, в спальне с гобеленами. На одном из них царь в золотой короне встречал женщину в пышных одеждах, сопровождаемую свитой прислужниц. Соломон и царица Савская.

При взгляде на эту придворную сцену Глория каждый раз вспоминала одно и то же: ее собственную встречу с хозяином коттеджа, где она теперь живет¹. Может, карлик Агафон и не был царем, но Глорию он называл царицей.

Перед смертью он написал для нее письмо, которое попросил сжечь. Она старалась забыть те неожиданные запоздалые признания, выведенные на бумаге рукой карлика. Они волновали ее, лишали покоя. Строчки всплывали в памяти как бы сами собой, когда она даже не думала о письме. Прав был Агафон: уничтоженное в физическом мире, письмо осталось только между ними. Где двое, там третий неуместен.

Но он был, этот *третий*. Он существовал во плоти, причем плоть его выглядела потрясающе. Сероглазого брюнета звали Роман Лавров. Ее бывший начальник охраны, а ныне частный детектив на вольных хлебах.

Глория спустила ноги на пол и ощутила мягкий ворс ковра. Она уже несколько лет вдова и вторично выходить замуж не собирается. Но любовь и брак – разные вещи.

Этой ночью ей опять приснилась бесконечная анфилада комнат с высокими потолками и окнами в сад. Она шла из двери в дверь, из арки в арку... и попала в аллею, обсаженную липами. Деревья были обсыпаны душистым желтым цветом. Глория держала в руке письмо...

«Не исключено, что Соломону была известна *формула творения*, – писал Агафон. – И царица Савская приезжала именно за ней. Не исключено, что она получила то, чего желала. Или не получила. И первое, и второе одинаково возможно...»

– Получила или не получила? – прошептала Глория.

Казалось, от ответа на этот вопрос зависит ее жизнь. Или смерть. «И то, и другое!» – сообщила она.

По цветущей липовой аллее ей навстречу шагала обнаженная девушка. Когда та приблизилась, стало заметно, что ее ноги не касаются земли. Девушка держала в руке жезл. Каким-то глубинным чутьем Глория ощутила, что видит саму себя, хотя они с девушкой совершенно

¹ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

не похожи. У той за плечами парили ангел и орел, а по бокам сопровождали бык и лев. Прозрачные, едва заметные. А Глория – сама по себе.

Они остановились друг напротив друга и молчали. Глория догадалась, что ее длинный путь наконец-то подходит к концу. Это было странное и приятное ощущение.

В дверь постучали, и в спальню заглянул слуга.

– Завтракать подано, – важно сообщил он.

Глория прыснула со смеху. Когда-то она считала Санту искусственным человеком, созданным Агафоном при помощи каббалы². Как она была глупа и наивна!

– Кто знает? – усмехнулся карлик. – Может, так и есть.

Он сидел в своем любимом креслице и болтал в воздухе короткими кривыми ножками. Античный бог с безобразным телом тролля. Никто, кроме Глории, не видел его.

– Мне больше не будет сниться дворец в заколдованном саду. Нынешней ночью я побывала там в последний раз.

– Да, – кивнул он. – Я же говорил, что вскоре ты все поймешь.

– Ничего себе, скоро...

Она быстренько привела себя в порядок, накинула халат и выпорхнула в коридор. Из кухни пахло кофе и булочками с корицей.

Санта с удовольствием потчевал свою прелестную хозяйку. Подсовывал то сливки, то масло, то смородиновый джем. С аппетитом уплетая булочки, Глория обронила:

– Не завести ли нам собаку?

– Это еще зачем? У нас уже есть Найда! Толку никакого, одно беспокойство. Корми ее, купай, расчесывай, а она днем дрыхнет, а ночью облаивает все, что шевелится. Как вы ее терпите?

Дворнягу по кличке Найда подобрал и привез в Черный Лог «телохранитель»: так Санта прозвал Лаврова, которого недолюбливал. Должно быть, поэтому великан всякий раз ворчал на собаку. Хотя на самом деле та пришлась ему по душе.

– Что это вы вдруг про собаку заговорили, Глория Артуровна? Мало нам Найды?

– Я подумала, сторож из нее никакой.

– А чем же я не сторож? – обиделся Санта. – У меня сон чуткий, лучше, чем у пограничного пса. Ей-богу! Что сторожить-то надо? К нам и так никто не полезет. Дурная слава лучше всяких замков. Вон, местные, за версту нас обходят. Никакими коврижками не заманишь.

Глория молча допила кофе и отодвинула чашку. Хмурый слуга принялся убирать посуду. Не понравился ему этот разговор. Ох, не понравился!

– Гостей, что ли, ждем? Уж не «телохранитель» ли пожалует?

– Он самый, – кивнула хозяйка.

– Что ж, на него собаку спустить не помешает. Не Найду, вестимо, а какого-нибудь добермана или ротвейлера. Я бы за милую душу...

После завтрака Глория отправилась в беседку читать, а Санта занялся обедом. Полистав, она отложила книгу, потому как в голову лезли навязчивые воспоминания. Казалось бы, ни с того ни с сего вспомнилась ее первая любовь, Павел Нефедов и свидание, которое он ей назначил... с того света.

Посмертные послания сыграли в ее судьбе роковую роль. Сначала Пашка, потом Агафон. Карлик оставил ей признание в любви, которое не забыть, на которое не ответить.

Глория погрузилась в прошлое и размышляла о своих ошибках, пока ее не отвлек звонкий лай Найды. Собака прыгала у ворот и отчаянно виляла рыжим лисьим хвостом.

– Ну, вот и он...

² Каббала – тайное средневековое мистическое учение.

Черный «Туарег» медленно вкатился во двор. Найда радостно кинулась к водителю. Глория встала и приложила ладонь ко лбу, вглядываясь в залитую солнцем статную фигуру гостя. Как всегда, неотразим. Бодр, подтянут, в джинсах, белой тенниске и темных очках. Чем не Джеймс Бонд!

Глория вышла из беседки. Они сдержанно поздоровались. В ее присутствии Лавров чувствовал себя неловко и не мог скрыть этой неловкости. На Глории было зеленое домашнее платье и туфли на босу ногу. В блестящих волосах застрял листочек. Сыщик загляделся на ее декольте, и она рассмеялась.

– Как дела с агентством? Оформил бумаги?

– В процессе.

– Ты прирожденный частный детектив, – не преминул поддеть его Санта.

Он стоял, подбоченясь и бесцеремонно разглядывая давнего недруга. Впрочем, их взаимная вражда была скорее игрой.

– Стараюсь соответствовать.

– Тебя ждет кое-что интересное, – заметила Глория.

Ее вдруг осенило, что так называемые «ошибки» – это шаги на пути к истине. Чувство, которое она не могла разделить между покойным Агафоном и живым Лавровым, дано ей как испытание. Она должна достойно пройти его.

– Неужели?

Лавров привез торт, шампанское и фрукты. Торт Санта беспощадно раскритиковал. Мол, такой гадостью можно отравиться.

– Что туда кладут? – ворчал белый, как лунь, великан. – Кондитерский жир, разрыхлитель и прочую ядовитую химию. На коробке забыли написать: «Опасно для жизни!»

– Неси шампанское в холодильник, – не моргнув глазом, парировал гость. – Остуди, потом принесешь. А фрукты вымой, нарежь и тащи сюда. Мы с твоей хозяйкой будем угощаться.

Санта фыркнул, сверкнул глазами и удалился выполнять поручение.

– Рома, что такое первая любовь? – внезапно спросила Глория.

– Гормональная интоксикация мозга, – не задумываясь, выдал он.

– Ты говоришь о своем опыте?

– Видишь ли, я познаю вещи на практике, а не в теории.

– Я сегодня вспомнила Пашу Нефедова. Прошли годы, а все как будто вчера случилось. Сейчас я думаю, это была судьба, которая привела меня сюда, к Агафону.

– Присядем?

Роман шагнул в беседку и устроился на теплой деревянной скамье. Глория покорно села рядом. Он коснулся рукой ее пальцев, и она не отняла их.

– У тебя день воспоминаний?

– Мне приснилась девушка. То была я, только другая. Такой я себя раньше не знала, не видела. Это мое прошлое и будущее в одном лице. Я долго шла... и теперь, кажется, впереди брезжит финиш. Давняя история, с которой все началось.

– Не очень понятно.

– Да, прости... – спохватилась она. – Прости.

– Что с тобой?

– Наверное, я еще нахожусь под впечатлением сна. Мне часто снится одно и то же: какие-то бесконечные комнаты... сад с аллеями и тропинками... странные существа, похожие на людей...

– Ты рассказывала, – кивнул он, изнывая от жары.

– Это похоже на греческий лабиринт. Одна прямая линия, на которой так легко заблудиться.

Ветра не было, зато солнце палило вовсю. Надо бы умыться и выпить чего-то холодненького.

– Так вот... это был мой путь! Я менялась, и вместе со мной менялись мои сны.

Лавров был далек от ее снов и от того, что ее взволновало. Конец, начало... Глория любит философствовать. А он любит ее. Чувство невероятно физическое, особенно когда она так близко. Стоит только прижать ее к себе, найти ее губы... и вот оно, блаженство. Но в какой-то момент понимаешь, что рядом лишь ее тень. Что сама она – мираж, отражение в зеркале.

– Можешь на меня рассчитывать, – зачем-то сказал он. – В любых обстоятельствах.

– Ты о чем?

– Ну... если я открою агентство, то это не значит, что... В общем, я всегда готов прийти на помощь. Я...

– Отлично, – усмехнулась она. – Скоро ты мне понадобишься.

Глория не бросала слов на ветер. Раз говорит, что скоро – возможно, уже завтра она позовет его. Она видит наперед. И то, что она видит, беспокоит ее.

С тех пор, как Глория поселилась в доме колдуна Агафона, она сама постепенно превратилась в колдунью. Это свершалось на его глазах, но, черт возьми, он проморгал превращение. Теперь он имеет дело с другой женщиной. И эта другая – во сто крат ему милее и дороже прежней. И эту другую ему мучительно трудно любить...

Глава 3

Индия, Северный Гоа

– Нам нужен труп, – заявил Гор.

Аля не поверила своим ушам.

– Что-о?

– Труп, дорогая. Мертвое тело. Ты же хочешь стать настоящей шиваиткой?

– Ты перегрелся?

Они с Гором поселились в дешевой гостинице с видом на море. Кондиционер был сломан, непривыкшая к жаре Аля спасалась холодной водой и зеленым чаем. Благо, холодильник в номере работал. Публика на побережье собралась разношерстная, экзотическая. В первый же день Гор познакомил свою спутницу с Джоном.

– Сколько ему лет? – удивилась она.

– Семьдесят уже было.

Джон днями напролет сидел с трубкой в тени под пальмой и пускал дым из ноздрей. Длинные белые космы, борода, морщинистое, коричневое от загара лицо, повсюду пирсинг и такая худоба, что можно пересчитать ребра.

– Он старый хиппи, – объяснил Гор. – Я каждый год встречаю его тут. Он медитирует и курит, курит и медитирует.

– Он нищий?

– Вовсе нет. У него ранчо в Америке и большая семья. Дети, внуки. Все занимаются бизнесом.

– Ему нравится такая жизнь? – недоумевала Аля.

– Он балдеет, разве не видишь? Здесь много богатых людей, которым надоели люксовские отели, благовоспитанные жены, жесткие рамки и общественные условности. Они приезжают расслабиться, а потом остаются надолго. В Гоа каждый волен делать, что хочет. Всем наплевать, как ты одет и какую религию исповедуешь, банкир ты или обычный клерк, отец семейства или желторотый юнец. Хиппи давно облюбовали это побережье для своих тусовок. Теперь они привозят сюда своих детей.

Огромный пляж на берегу Аравийского моря был полон самых диких личностей, от молодых до стариков. Тела некоторых сплошь покрывало тату, кто-то купался голым, кто-то распевал песни и танцевал прямо на песке. Женщины без макияжа и маникюра, с волосами, заплетенными в тонкие косички, босые, в бесформенных балахонах из хлопка. Никто, казалось, не обращал ни на кого внимания.

Аля чувствовала себя не в своей тарелке среди этой пестрой толпы. Острые кушанья раздражали ее желудок, на улицах было шумно и днем, и ночью. Она не высыпалась, нервничала и жаловалась Гору на ужасные условия.

– Как тут можно отдыхать?

– Ты привыкнешь, – с неизменной улыбкой отвечал он.

Они спали в одном номере, но на разных кроватях. На стене висело изображение богини Кали: худая длинноволосая женщина с голубой кожей и двумя парами рук. Язык ее торчит изо рта, с него капает кровь.

– Темная ипостась супруги Шивы, – представил ее Гор. – Сеет смерть и разрушение.

Иногда он позволял себе некоторые вольности, которые не переходили в настоящий интим. Гор словно дразнил Алю, выказывая ей то неподдельное восхищение, то обидное равнодушие. Она не роптала. В конце концов, за поездку платит он. Не хватало ей испортить человеку отпуск.

В ее голову закрадывались мысли, не гей ли он. Вдруг он предпочитает мужчин, а ее притащил с собой, чтобы не возбуждать слухи? Хотя где-где, а в Гоа дозволено все. Полная свобода нравов.

Когда Гор заговорил о трупe, Аля испугалась. По сути, она ничего о нем не знает. Он привез ее в чужую страну, за тысячи километров от Москвы. Отсюда ей самой не выбраться. У нее нет денег на билет даже до Бомбея.

– Я должен раздобыть труп, – заладил Гор. – Иначе ты не сможешь познать Шиву.

– Может, я как-нибудь обойдусь?

Аля засомневалась, надо ли ей «познавать Шиву» столь экстравагантным способом. Однако Гор был непреклонен.

– Я обещал сделать тебя истинной шиваиткой. Идем же!

На окраине селения Гор отыскал босых полуголых мужчин, которые, вероятно, ни разу в жизни не брились и не стриглись. Он подошел к ним и заговорил на ломаном английском. Аля напрасно прислушивалась, она ничего не сумела понять.

– Кто это?

– Местные *садху*, – объяснил он.

– Кто-кто?

– Странствующие аскеты.

Индусы безмятежно улыбались. Их лица раскрашены, тела покрывают рисунки, нанесенные яркой красной пастой, а ноги и руки вымазаны каким-то серым порошком. У одного из них висит на плече коробочка, куда он обмакнул палец и потянулся к Але. Она попятилась.

– Не бойся, – рассмеялся Гор. – Он хочет поставить тебе на лоб *тилаку*.

Гор подтолкнул ее вперед, а *садху* моментально коснулся пальцем ее лба. Аля вскрикнула.

– Красная метка, – молвил Гор. – Мне тоже не помешает.

Садху с удовольствием пометил его лоб и опустился в позу лотоса. На камнях лежал грязный потертый коврик, который служил *садху* подстилкой. Другие *садху* бродили неподалеку, охотно заговаривая с туристами.

– Что это за порошок? – спросила Аля, брезгливо уставившись на ноги аскетов. – Пыль?

– Сакральный пепел.

– Как ты сказал?

– Священный, относящийся к ритуалу или обряду, – объяснил Гор. – Обычно такой пепел остается после кремации умерших.

Аля почувствовала, как съеденный обед подступил к горлу. Ее затошнило. Но худшее ждало ее впереди.

– Они... они... мажутя трупным пеплом? – выдавила она.

– Тебе противно?

Аля судорожно сглотнула и схватилась за живот. Ее организм протестовал, а ум отказывался понимать здешние традиции.

– Это всего лишь пепел, – добавил Гор, беря ее под руку. – Успокойся. *Садху* делают так испокон веков. В Гоа этим никого не удивишь. Восточная экзотика, за которой сюда приезжают туристы со всего мира.

– Ужас... Я не могу смотреть на них. Уведи меня отсюда!

– Хорошо.

Гор пожал плечами и увлек ее к небольшому каменному зданию с черепичной крышей. На ступеньках пестро одетый человек продавал чай с молоком. Он зачерпывал ложкой мутную зеленоватую жидкость и разливал в пиалы.

– Выпей, тебе полегчает.

Алю чуть не вырвало. Она икнула и отвернулась. Гор медленно проглотил чай, наблюдая, как *садху* позируют туристам для фото. Это способ заработать немного денег.

– Идем...

– Куда? – нервно спросила Аля.

– За трупом, я же говорил.

От зноя ее легкое платье прилипло к телу, платок сбивался, и солнце пекло голову. Она молча, как сомнамбула, следовала за своим спутником, не разбирая дороги. По сторонам теснились убогие хижины, бродили тощие коровы, не похожие на привычных буренок. От дурноты у Али мутилось сознание.

Она опомнилась, когда увидела на каменном постаменте неподвижное тело, завернутое в красное покрывало и усыпанное гирляндами желтых цветов. Аля не сразу сообразила, что человек мертв.

– Почему у него красное лицо? – повернулась она к Гору.

– Сандаловая паста.

Аля потянула носом, сладковатый запах тлена мешался с ароматом цветов и сандала. Мертвеца со всех сторон обложили дровами. Его приготовили к кремации.

Рядом на таком же постаменте запылал костер, распространяя запах горелого мяса. Если бы не ветер, уносящий дым в сторону моря, находиться там без привычки было бы невозможно.

Гор вел долгие переговоры с участниками церемонии. Те бурно жестикулировали, то ли возражая, то ли выражая согласие. Несколько купюр перекечевали от европейца к ним, и дискуссия пошла на убыль. Аля боролась с тошнотой, ей хотелось в туалет. От солнца разболелась голова, саднили натертые ноги.

– Все в порядке, – сообщил Гор, приблизившись. – Сегодня ты пройдешь обряд посвящения.

– Зачем?

– Без этого никак нельзя, – улыбнулся он. – Шиваиты поклоняются *чарасу*. Ведь Шива – Господь *Чараса*. Ты должна приобщиться его сути...

– Я хочу в туалет!

Он отвел ее в заросли колючих кустов и предупредил:

– Будь осторожна. Здесь водятся змеи и ядовитые насекомые.

Солнце клонилось к закату. Тени стали темнее и четче. На постаментах с треском догорали останки покойников. Черноволосый подросток сметал с камней пепел и мусор.

Остальное произошло словно в тумане. Аля слабо помнила детали «обряда». Все началось в сумерках. Кто-то в черном тюрбане и набедренной повязке, сплошь увешанный амулетами, взгромоздился верхом на готовый к сожжению труп. В раскрытый рот мертвеца набросали сухой травы и подожгли. Разгорелся крохотный костер.

Гор заставлял Алю смотреть на ритуал «поклонения *чарасу*», как он называл жуткое действо.

Индус бросал в разведенное пламя какие-то темные крупинки.

– Это семена черного кунжута, – нашепывал ей в ухо доктор. – Они символизируют скверну, которая привела тело к смерти. Сжигая скверну, мы очищаемся...

Аля чуть не упала в обморок от духоты и ужасных запахов. Гор поддерживал ее за талию горячей рукой и что-то непрерывно шептал. Этот шепот не давал ей отключиться.

– Точно так же поклонялись *чарасу* тысячи лет назад... Теперь этот обряд можно увидеть только в Гоа... Больше нигде...

Она хотела бы убежать отсюда, зарыться в гостиничном номере под простыню, заткнуть уши и уснуть. А утром убедиться, что это был жуткий сон.

– Это ведь сон?.. Правда?..

– Вся наша жизнь – сон... – откликнулся Гор. – Необходимо очнуться от иллюзий... прозреть...

Он сунул ей в руку раскуренную трубку и сказал:

– Попробуй, это *чилом*...

– Не могу!

– Божественный аромат Шивы... Через иллюзию постигаешь иллюзорную суть мира... Подобное лечат подобным...

В ее губы ткнулось что-то твердое – мундштук, влажный от чужой слюны. Аля отбивалась, и Гор сам сделал затяжку, а потом заставил ее вдохнуть дым изо рта в рот. Поцелуй со вкусом *чараса*. У нее перед глазами все поплыло.

– Шива благословляет тебя...

Вокруг раздавались заунывные песнопения *мандо*. Небо на западе покраснело, как шафрановые одежды буддистских монахов. Пальмы стояли, словно облитые кровью. Шумел прибой.

– Ты когда-нибудь курила?

– В юности...

Аля почти не ощущала, что делает. Кажется, берет в губы мундштук и втягивает в легкие дурманный дым *чараса*. Тело потеряло вес, она отделилась от него и поднялась над землей, увидела сияющие звезды так близко, что они ослепили ее...

Какая-то женщина в золотых одеждах кружилась в танце до изнеможения, до смертной истомы. Полыхал огонь... блистали молнии... Мертвый мужчина подал Але руку и повел ее под венец... Белое платье, кольцо на безымянном пальце... темные недра дома... вкрадчивые слова... выстрел...

– А-а-аа! – кричала она, вырываясь из цепких объятий покойника. – А-а-аа!.. А-а!..

Дым проникал в грудь юркими змейками, которые сворачивались, как детеныши кобры, жалили. Из темной воды всплывал распухший утопленник, цеплялся за Алины волосы, тащил ее в воду, приговаривая:

– Это я... не бойся... это ведь я...

Удары по щекам. Хлесткие. Сильные. Словно сам многорукий Шива бьет ее по лицу, окуривает дурманом и снова бьет. Больно...

– Это я!.. Посмотри на меня!.. Это я!.. Я!..

Сквозь ресницы и дым проступает образ Гора. Еще какие-то лица. Курильщики *чилома* качают головами. Одна Аля сидит на широкой каменной ступеньке, вокруг нее собрались *садху* с гирляндами цветов и трав на груди, смотрят, как ее обрызгивают водой. Другая Аля парит над ними в синей вышине, подобно птице. Ей так хорошо, что хочется петь. И вдруг, откуда ни возмись, налетает гроза, гнет и ломает пальмы, вздымает морские волны. Горят факелы. Шива играет ими, перебрасывает из рук в руки... они мелькают, заворачивают, погружают в транс...

Але страшно. Очень. Она зовет на помощь, но ее никто не слышит. Ветер уносит ее голос прочь... в далекую холодную Москву, где ее ждут три заснеженные могилы на разных кладбищах...

– Четыре... – шепчет она. – Уже четыре... Теперь еще мама...

Садху сидят на камнях, скрестив ноги, курят ритуальные трубки. Перед каждой затяжкой они выкрикивают мантры. Славят своего господина, призывают своих братьев разделить с ними этот непостижимый экстаз...

Над могилами воеет метель, засыпает все белым, как пепел, снегом. Аля одновременно и там, и тут... среди каменных постаментов для кремации, в окружении блаженных шиваитов...

Гор окунает палец в пепел от *чилома*, мажет лоб сначала себе, потом Але. *Садху* кладут пепел на язык, как бы причащаясь Шивы...

Глава 4

Москва

- Почему бы тебе не развестись с ним?
- И что дальше? Выйти за тебя?
- Ну да.
- Насмешил! – скривилась Тамара, отдыхая после жарких любовных объятий.
- Значит, я гожусь только для секса?
- Не начинай! – разозлилась она. – Хочешь испортить мне настроение?

Антон Рябов, с которым Тамара изменяла мужу, работал менеджером в той же рекламной фирме, что и она. Молодой, спортивный, без вредных привычек. Они оба вели здоровый образ жизни, посещали один и тот же фитнес-клуб и сошлись на почве общих интересов.

- Ты все еще любишь его?
- Пф-фф-ф...
- Почему же тогда продолжаешь жить с ним?
- А где мне жить? Это, между прочим, его квартира. Мы в прошлом году ремонт сделали, новую мебель купили.
- Переезжай ко мне.
- В Мытищи? Ютиться в старой двушке вместе с твоей мамой? Нет уж, уволь!
- Будем снимать квартиру... – тоскливо вздохнул Антон.
- На какие шиши?
- Тебе не угодишь.
- А ты не старайся. Зачем я тебе нужна? У меня скверный характер, я плохая хозяйка, зато люблю хорошо одеваться и трачу на тряпки кучу бабла.
- Намекаешь, что я зарабатываю меньше твоего Шестакова?
- Тут и без намеков все ясно.
- Мне обещали повысить зарплату.

Тамара рассмеялась, повернулась на бок и погладила любовника по голове, как ребенка. У нее было стройное холеное тело, безукоризненная грудь и широковатые бедра, которые не портили ее фигуру. На вид ей ни за что не дашь тридцати лет. Выглядит на двадцать пять, не больше.

- Наивный ты, Антоша, и совсем не понимаешь женщин.
- Просвети меня...
- Лучше оставайся в заблуждении!

Он потянулся к ней губами, она, смеясь, отстранилась. Антон нахмурился и заявил:

- Наверное, ты права. Если я узнаю, что у тебя на уме... то убью тебя!
- Да ты что? Правда? И каким же образом? Задушишь во время оргазма?

Они опять обнялись и принялись целоваться. Сумрак спальни рассеивал зеленый ночник.

– Мы как будто в аквариуме, – прошептал Антон, давая волю страсти. – Весьма эротично...

Когда оба выдохлись и оторвались друг от друга, он сказал:

– Думаешь, твой Шестаков там один?

– В Гоа? Вряд ли. Но мне плевать, с кем он развлекается. Я ведь тоже не теряюсь.

– Почему он не берет тебя с собой?

– Мне не нравится Индия. Все эти полоумные индусы, йоги, нищета, сутолока и грязь. Такое впечатление, что они деградируют под видом духовного просветления.

– Ты его не ревнуешь?

– Шестакова? Какой смысл ревновать? Я позволяю ему порезвиться в свое удовольствие, и он благодарен мне за это. Потом он возвращается, будто ничего не было, и снова припадает к моим ногам.

– Ты спишь с ним?

– Иногда...

Антон приподнялся на локте и посмотрел ей в глаза.

– Когда-нибудь я все-таки тебя убью!

– Только во время оргазма, – усмехнулась она. – Обещаешь?

– Как ты можешь отдаваться ему после... после...

Его голос сел от волнения и обиды. Чем сильнее он злился на Тамару, тем острее желал ее. Его возбуждала эта ее холодная рассудочность, эта беспринципность.

– После тебя?

– Нет! После его индийских походов! Тебе не противно ложиться с ним в постель, зная, что еще вчера он ласкал другую? Какую-нибудь грязную индуску?

– Шестаков весьма разборчив. Он врач и придает большое значение личной гигиене. С кем попало он сексом заниматься не станет, уж будь уверен.

– Ах, вот как! – вспыхнул Антон. – Вы друг друга стоите!

– Конечно, милый...

– Он в курсе, что ты ему изменяешь?

– Думаю, он догадывается.

– По-моему, вы оба чокнутые. Больные на всю голову!

Тамара улыбалась, довольная. Она обожала дразнить Антона и выслушивать его ревнивые упреки. Он по-настоящему влюблен в нее, тогда как она играет с ним в кошки-мышки. Мучает, терзает и наслаждается его страданиями.

– Твой Шестаков, небось, регулярно заваливает на кушетку симпатичных пациенток. Я слышал, что гомеопаты заставляют людей раздеваться догола.

– Когда-то он и меня раздел. Я пришла лечить нервы и получила эффективную терапию. До сих пор не жалею.

– Не испытывай мое терпение! – взревел парень.

Тамара веселилась от души. Ее муж был слишком сложным человеком, а с Антоном все просто. Он полностью зависит от нее, не в пример Шестакову. От того никогда не знаешь, чего ждать. Она думала, что вполне изучила своего супруга, однако он заставил ее усомниться в этом.

– На прошлой неделе я записался к нему на прием, – вдруг выпалил любовник.

– Ты с ума сошел? – растерялась она. – С какой стати?

– Любопытно мне, как он людей лечит. Может, колдовством каким приманивает? Услуги у него дорогие, а под кабинетом целая очередь. Им по записи назначено, а они загодя приходят, сидят и сплетничают. Одни бабы, чтоб ты знала. Расфуфыренные, надушенные, пальцы в перстнях, глазами так и стреляют. Наверняка они надевают на прием самое лучшее белье...

– Да знаю я, знаю.

– Видать, твой Шестаков по женской части мастак.
– Своего не упустит, – кивнула Тамара, лениво потягиваясь.
– И ты спокойна?
– Тебе-то что за дело, Антоша? Это мой муж, а не твой.
– Ну... я за тебя переживаю.
– Переживальщик нашелся! Кстати, кто-то из пациенток пишет угрозы на мою страничку в «Фейсбуке». Я не принимаю это всерьез. Обычная бабская злость.
– Угрозы? И ты терпишь?
– Некая барышня зарегистрировалась как Маша Веткина, я сдуру добавила ее в друзья, и пошло-поехало. Шестаков говорит, что никакой Маши Веткиной среди его больных нет.
– Естественно! В Интернете можно назваться любым именем.
– Вроде ерунда... а мне порой бывает не по себе, – призналась Тамара. – Шестаков в последнее время ведет себя странно. Ударился в какие-то восточные штучки, где-то пропадает сутками, таскается в Индию. Он и раньше любил ездить в Гоа, но теперь это похоже на манию. Порой мне кажется, что он... употребляет наркотики! Я ни разу не видела у него ни колес, ни травки, а отделаться от подозрений не могу. Иногда в квартире чувствуется какой-то запах...
– Индийские благовония, – кивнул Рябов. – У вас ими все пропахло.
– Он может где-то прятать наркоту, если доза маленькая. Я постоянно думаю об этом. Дошло до того, что я стала приглядываться к его венам, нет ли следов от инъекций. Представляешь? Он заметил, раскричался.
– А ты?
– Что я? Тоже кричала. Потом он предложил выпить, и мы помирились. В ту ночь он был особенно нежен.
– Ты нарочно меня бесишь? Хочешь проверить, на что я способен в гневе?
– Я от тебя не скрывала, что замужем и разводиться не собираюсь.
Молодой человек отбросил простыню, встал и прошелся по спальне, обставленной в восточном стиле. Вероятно, по вкусу хозяина. Синие шторы в звездах, афганский ковер, широкая кровать с пологом, много подушек, кованые подсвечники на ножках.
– Ты с ним поднаторела в «Камасутре», да? Какие позы у него любимые?
– Прекрати...
– Чем он приворожил тебя? Тем же, чем и своих пациенток? Индийским сексом? Что же особенное он тебе показывал?
– Хватит, – процедила Тамара.
– Он тебе дороже меня, – понесло Антона. – Ты спишь то с ним, то со мной, сравниваешь. Я боюсь спросить, в чью пользу это сравнение.
– Сходи в гостиную и принеси виски. Я хочу выпить. Да и тебе не помешает.
Он молча вышел и вернулся с бутылкой и двумя бокалами. Налил ей и себе, проглотил, налил еще.
– Чего ты разошелся? – сердито осведомилась Тамара. – Уймись. Наклюкаешься, а утром на работу.
– Эта Маша Веткина... она продолжает угрожать тебе?
– Пусть потешится. Заодно и мне нервы пощекочет. Скучаю я, милый! Шестаков улетел в Гоа, а от тебя мало проку. Хоть бы какой-нибудь фортель выкинул, позабавил меня.
– Какой фортель?
– Да хоть из окна выпрыгни ради любви!
– Так четвертый же этаж...
Тамара саркастически расхохоталась, а любовник побагровел, резко развернулся и отправился в ванную.

«Черт бы ее побрал, – думал он, шлепая по полу босыми ногами. – Она кого угодно доведет до греха!»

Стоя под душем, он спрашивал себя, способен ли он убить кого-нибудь. Тамару или ее мужа, к примеру? Как-то разрубить этот любовный треугольник! Выпитое на пустой желудок виски ударило в голову. Антон вспомнил прием у Шестакова, как ему пришлось раздеться и стоять голым посреди кабинета под пристальным взглядом доктора. Было жутко неловко, а потом такая злость одолела, что он чуть не выпалил Шестакову в лицо: «Я сплю с твоей женой, приятель! Пока ты тут лапаешь гламурных дамочек, она тоже не внакладе!»

Тот, кажется, ничего не заподозрил и вручил ему несколько упаковок драже, которые велел принимать строго по часам. Выйдя из кабинета, Антон выбросил их в первую же попавшуюся урну. Прием обошелся ему в кругленькую сумму. За что только люди платят этому прохиндею такие деньги?

– Я мазохист, – сказал он себе, выключил воду и завернулся в полотенце. – Какого черта я к нему поперся?

Тамара уснула, раскинувшись на синих простынях. Красивая циничная стерва, от которой он не в силах отказаться. Станный у них с Шестаковым союз. Он живет своей жизнью, она – своей. Что их связывает?

Антон плеснул в бокал порцию виски, выпил и присел на край кровати. Тамара тихо, легко дышала. За шторами наметился светлый квадрат окна. Уже утро, а он еще глаз не сомкнул. Опять будет клевать носом в офисе и отвечать клиентам невпопад.

В углу спальни на низком турецком столике белел ноутбук Тамары. Рябов не был крутым хакером, но прочитать личные сообщения, которые пришли на чужую страничку, мог без труда. Его научил этому друг детства, компьютерный гений.

Среди обычных обменов любезностями и бабьих сплетен Антон обратил внимание на пару строчек от Маши Веткиной. Она писала: «Пришла пора молиться! Хотя такие, как ты, не верят ни в Бога, ни в черта. Что ж, тогда купи себе платье от кутюр, в котором тебя положат в гроб...»

У Антона вспотели ладони. Он оглянулся на Тамару и позавидовал ее крепким нервам. Неужели ее не пугают подобные вещи? Если это заслуга Шестакова, то гомеопатия сделала прорыв.

Антон не верил в целительные свойства крохотных белых драже. Возможно, он ошибается. Как бы там ни было, отсутствие страха не всегда хорошо. Надо позвонить другу детства, пусть установит, откуда отправлено сообщение. Никакой Маши Веткиной не существует, но адрес ее компьютера можно отыскать. Эти угрозы – чисто женское соперничество.

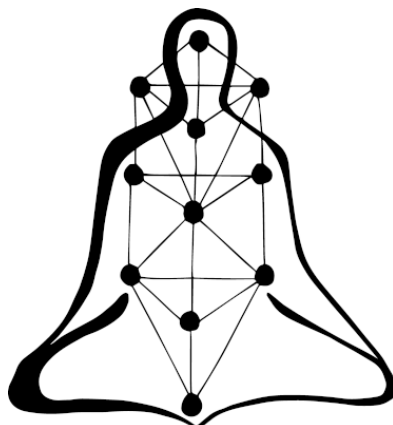
– Мужики нынче мельчают, – пробормотал он и потянулся за бутылкой. – Я сам не исключение.

Глоток виски обжег горло. Антон вздохнул и отправился в кухню готовить завтрак. Он жарил яичницу с мыслью о Маше Веткиной. Кто бы ни скрывался под этим ником, она умеет испортить настроение.

Молодой человек представил себе перелет в Индию и подумал, что самолеты иногда падают и разбиваются. Почему бы Шестакову не погибнуть в авиакатастрофе? Бац! – и проблема «треугольника» решена самим провидением.

– Это развязало бы мне руки...

Глава 5

Подмосковная деревня Прокудинка

За поворотом машина остановилась, и Лавров спросил:

– Может, передумаешь? Зачем ворошить прошлое?

– Мне давно следовало побывать здесь.

– Уверена?

Вместо ответа Глория вышла и посмотрела по сторонам. С одного боку пыльной грунтовки тянется березовая роща, с другого видна пашня и лоскуты огородов, а впереди на холме привольно раскинулась деревня: тронутые желтизной сады, крыши домов, дым из труб.

– Осенью пахнет...

– Ну и глухомань! – с удовольствием потянулся Лавров. – Хуже, чем Черный Лог. Никогда не понимал дачников, которые забираются отдыхать в такую дыру. Ни газа, ни теплой воды. В магазин за хлебом топать и топать!

– Зато воздух свежий! Грибы, ягоды, рыбалка. А хлеб хозяйки в печи пекут, свой, домашний.

– Не убедила. Какая москвичка умеет печь хлеб? Печку, между прочим, надо еще разжечь правильно. А перед этим дров наколоть, воды натаскать из колодца. Боюсь, нашим дамам такой отдых будет не в радость. Ладно, хватит наслаждаться пейзажем, пора ехать. Садись!

«Туарег» резво поскакал по дороге, взметая клубы пыли.

– Что мы тут забыли? – ворчал сыщик, объезжая глубокие ямы. – Прошлогодний снег?

Холм полого спускался к реке. Вода блестела на солнце, у берега купались утки. На мостках какая-то баба, подоткнув юбку, полоскала белье.

– Дачники, наверное, уже разъехались. Август кончается, детям в школу пора. Скоро дожди зарядят, проселки развезет, без резиновых сапог шагу не ступишь.

– Осень будет теплая и сухая, – возразила Глория.

Она напряженно глядела перед собой. Знакомая улица почти не изменилась. Через штакетник свешивались ветки старых яблонь. У заборов все так же пощипывали травку козы, бродили куры.

– Вот она, нефедовская дача, – объявил Лавров, притормаживая. – Стоит, как стояла. Траву во дворе кто-то выкосил. Значит, не пустует дом. Интересно, продали его Нефедовы или сами хозяйничают?

История этого деревянного дома, этого места пронеслась в сознании Глории. Когда-то домишко, который тут стоял, приобрел путешественник Андрей Карякин, развешал по стенам

африканских идолов, а вскоре нашли его на полу в горнице с перерезанным горлом. Следующий хозяин сгорел вместе с жилищем от удара молнии. Долго тут был пустырь, пока дом снова не отстроили. Сюда любил приезжать Павел Нефедов со своим другом Толиком.

– Пашка был моим первым мужчиной, – сказала Глория. – А замуж я вышла за Толика. Теперь оба мертвы. Павел утонул, Толик разбился.

– Ты не виновата в их смерти.

– Виновата, не виновата... не в этом дело. Толик видел, как Пашка тонет, и не помог ему. По сути, он его убил. Я жила с убийцей! Дышала с ним одним воздухом, ложилась в одну постель... и ничего не заподозрила. Ничего!

– У тебя сегодня день покаяния?

– Может быть...

– Твой муж не убивал своего друга. Павел пошел на рыбалку, провалился под лед...

– А Толик мог его спасти! Но не спас.

– Ты этого не знала.

– Я должна была почувствовать!

Лавров помог ей выйти из машины. Она надела очки и панаму. Платье из розового муслина, бусы на шее, босоножки на низком ходу делали ее похожей на дачницу. Солнце палило. Возле козы, привязанной к колышку, стояло ведро с водой. В воздухе пахло навозом.

– Все прошло, Глория. Никого и ничего не вернешь. Зачем ты сюда приехала? Чтобы растравлять себе душу?

– Я хочу понять...

– Что? Почему ты вышла за Анатолия?

– Конечно же, нет. Просто меня потянуло к этому дому... первый раз после того, как я чуть не рассталась тут с жизнью...

– Я помню, – кивнул Роман. – У дома дурная слава. Впрочем, таких домов немало. Больше, чем кажется.

Глория молча подошла к калитке и заглянула во двор. Дом был все тот же – крыльцо, веранда, печная труба, давно не мытые окна, те же щели в них толщиной в палец. Новый хозяин не слишком заботился о своем приобретении, но время от времени наведывался сюда. Вон, куча навоза у сарая подсыхает.

– Дом продали.

– Кому? – спросил Лавров.

– Пока не могу сказать. Вижу только, что он не принадлежит Нефедовым. Они давно не бывали здесь.

– Когда-то ты сама хотела купить эту дачу.

– Это был предлог, чтобы побродить по комнатам, ощутить дух этого жилища...

Сыщику было жарко. Хоть бы ветерок подул, а то будто в парилке. Вонючка, мухи. Долго им тут торчать, или Глория утолит любопытство и даст команду возвращаться в Черный Лог?

– Наберись терпения, – недовольно бросила она. – Ты мне мешаешь.

– Каким образом?

– Не торопи меня...

Лавров встал под дерево и вытер платком мокрый лоб. Лучше бы он вместо джинсов и футболки надел майку и шорты.

– Хочешь попасть внутрь? – предложил он. – Отмычки у меня с собой.

Глория медленно покачала головой, не отрывая взгляда от окон. Какая еще тайна может скрываться за ними?

– Отсюда все началось...

– Что ты имеешь в виду? Нельзя ли поконкретнее?

– Нельзя.

– Чего-то подобного я ожидал! – нахмурился сыщик.

– В деревне живет старая знахарка, – примирительно улыбнулась Глория. – Давай-ка навестим ее.

– Митрофаниха, что ли? Она до сих пор жива?

Лавров сообразил, для кого они купили гостинцев: печенья, конфет, халвы. Старики что малые дети, обожают сладости.

Глория показала ему дорогу к дому, где жила знахарка с дочерью, обе в преклонных годах.

– Митрофанихе поди уж за девяносто перевалило, – заметила она.

К забору подошла совершенно седая женщина, в которой Роман с трудом узнал знахарку.

– Здравствуйте, Авдотья Митрофановна. Как поживаете?

– Чай, мы уже встречались? – прошамкала та беззубым ртом. – Вы из дачников будете? За травами пришли?

– Мы по другому вопросу.

Знахарка склонила голову набок и пропустила их во двор. Ее ситцевое платье выгорело на солнце, волосы собраны в жидкий пучок, спина согнута. На ногах – растоптанные тапочки.

– Помните дачу Нефедовых? – спросила Глория.

Старушка присела на табурет, сложила руки на коленях и, шурясь, посмотрела на гостей снизу вверх.

– А-а! Как не помнить? Я чуть не померла из-за этой дачи...

Она буравила приезжих глазами, пока не вспомнила:

– Да вы, кажись, навещали меня в больнице-то! Когда я с ушибом лежала!

Лавров позавидовал ее памяти. Склерозом бабка явно не страдает. Мозги у нее варят, дай бог каждому в ее возрасте.

– И на старуху бывает проруха: любопытство подвело, – продолжала знахарка. – Мимо шла и не удержалась, бес попутал! Он-то мне и дал по затылку, чтоб в другой раз неповадно было.

Она будто заново пережила, как несколько лет назад шла ночью за «лунными» травами и заглянула в окно нефедовского дома. А там – оборотень, весь в блестящей чешуе! Зыркнул на нее жутко, и упала она замертво. Спасибо добрым людям, не оставили помирать, отвезли в район к доктору.

Лавров сдерживал смех, представляя ту картину. Голый человек, обмазавшись блестящими, вероятно, сам испугался прилипшего к стеклу лица Митрофанихи. А другой любопытный ударил бабку по голове, чтобы не спугнула «оборотня». Он сам хотел узреть каббалистический обряд *вызова царицы Савской*³.

– Чего скалишься, милай? – обиделась старушка. – Думаешь, я из ума выжила?

Глория сердито толкнула его в бок, и он поспешно извинился.

– Авдотья Митрофановна, неужели тот чертов дом удалось продать?

– Нашелся храбрец, не побоялся злого духа, который там обитает. Его все соседи отговаривали, а он уперся – куплю да куплю. Всю жизнь-де мечтал пожить в доме с привидением. Вольному воля!

– А что он за человек? – допытывалась Глория. – Кто таков?

– Я у него документ не спрашивала. На вид молодой, культурный. Назвался ученым. Мол, будет изучать фена... фе...

– Феномен, – подсказал сыщик.

³ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

– Во-во! Феномен нефедовского дома. Приклеилось к нему энто имя. Паша-то покойный, один из всех Нефедовых приезжал на дачу. И зимой, и летом, и осенью. Грибную охоту уважал, рыбалку. Когда сам отдыхал, когда с другом...

По лицу Глории пробежала печальная тень. «Друг», которого упомянула Митрофаниха, был ее покойный муж Толик.

– Теперя нет Паши, – заключила знахарка. – Утоп. Все прочие, кто до него в доме селился, плохо кончили.

– А как нынешний хозяин? В порядке?

– Покамест жив, дочка. Землю удобряет, видать, грядки решил завести, а руки-то не доходят. Только навоз возит да в кучи складывает.

– Навоз? – удивился Лавров, вспомнив коричневую кучу у сарая.

– Ага! Землица не вскопана, зато навоз во дворе гниет и смердит на всю округу.

Сыщик потел и злился. Нашли о чем рассуждать – о навозе! А он тем временем жарится на солнце, как шашлык на мангале.

– И часто он тут бывает?

– Ученый-то? Редко. Я мимо нефедовской дачи в лес хожу, за травами, а зимой за хвостом. Несколько раз видала свет в окнах. А в начале лета новый хозяин привез в дом любовницу.

– С чего вы взяли? – усмехнулся Роман. – Может, то была его жена.

– Любовница, – убежденно повторила бабка. – Я глянула и сразу смекнула, что она ему не жена. Прятал он ее от чужих глаз. А жену зачем прятать?

– Логично.

– И долго они пробыли в доме? – спросила Глория. – День, два, неделю?

– Дня два.

– А чем занимались?

Знахарка смущенно потупилась и этим выдала себя с головой. Несомненно, она подглядывала за странной парой. Как же пропустить такое?

– Я подумала, вдруг с ними что-то случится? – неохотно молвила она. – Беда там поселилась. Вот я и посмотрела мимоходом в окошко.

– Что вы увидели?

– Срам один... – хихикнула Митрофаниха. – Бабу голую!.. Стоит посреди горницы, в чем мать родила, а мужик вокруг ней колдует. Я чуть с ящика не свалилась!

Она поняла, что сболтнула лишнего, и схватилась за голову.

– Ой, батюшки! У меня мигрень разыгралась...

Ящик-то бабка загодя приготовила и в кустах запрятала, чтобы до окна доставать. Любопытство сильнее страха. Похоже, прошлый неприятный опыт ничему ее не научил.

– Что же вы, злого духа не боитесь? – съязвил сыщик.

– Боюсь, милай, – запричитала она. – Как не бояться-то? Только у меня молитва супротив него припасена.

В тот вечер знахарка, взобравшись на ящик, забормотала было нужные слова, но при виде «голой бабы» все забыла. Слезла с ящика и давай бог ноги.

– Спасибо вам, Авдотья Митрофановна, – поблагодарила ее Глория и подала Лаврову знак уходить. – Дайте нам какой-нибудь травки для пищеварения.

Старушка, кряхтя, поднялась с табурета и скрылась в доме. Вернувшись с мешочком сушеного снадобья, она подробно рассказала, как его принимать. Глория заплатила, отказалась от сдачи, и Митрофаниха расцвела. Такая сумма ей редко перепадала.

– Заходите еще...

Уже за калиткой Лавров спросил:

– Зачем тебе новый хозяин? Что ты задумала?

- Важнее понять, что он задумал!
- Тебе-то какая разница?
- В прошлый раз, когда Митрофаниху ударили по голове, она подсмотрела обряд каббалы, который совершался в доме.
- Ой, не смей меня! *Обряд!* Глупость одна. Блестки, красное вино, уксус и сомнительные заклинания. В результате ничего не вышло, как ты помнишь.
- То, что не вышло у одного, может выйти у другого.
- Ты серьезно?
- Если хочешь вызвать царицу Савскую, достань один лот⁴ золота в виде порошка, возьми порцию винного уксуса и порцию красного вина, тщательно смешай их в круглой посудине... разденься догола, намажься тем, что получилось, и вымолви в голос: «Ты, царица Савская, явись в полчаса и не причини вреда или какого иного ущерба...»
- Лавров остановился, повернулся к Глории и взял ее за плечи.
- Речь идет о той смеси, которой намазалась Маргарита, чтобы превратиться в ведьму?
- Я не шучу, Рома.
- Но это же... сказки про белого бычка. Зачем кому-то вызывать какую-то мифическую царицу Савскую? По-моему, новый хозяин привез на дачу любовницу не для колдовских заклинаний, а для банального секса.
- Одно другому не помеха.
- Давай смотреть на вещи проще. Человек приобрел дом в деревне, где его никто не знает. Чтобы вдали от городской суеты уединяться вместе с дамой сердца, не боясь сплетен и пересудов. А то, что барышня была голая, – естественно. Ты не находишь?
- Нахожу. Она разделась, чтобы намазаться ритуальной смесью.
- Сыщик отпустил Глорию и раздраженно всплеснул руками.
- Ладно. Допустим. О'кей! Они совершали обряд. На здоровье! Нам-то что за дело?
- Мне кажется, это связано со мной...

⁴ Лот – мера веса, равная 12,8 грамма.

Глава 6

Индия, Северный Гоа

Курение *чилома* окончилось для Али обмороком. Все, что было потом, слилось в невообразимую чехарду образов и ощущений. Придя в себя, она увидела желтоватый потолок.

– Наконец-то, – обрадовался смутно знакомый мужчина. – Я уж думал, придется везти тебя в больницу.

– Что со мной?

– Наверное, тепловой удар.

В голове Али болезненно отдавались обрывки песнопений, треск дров, запах дыма и горелого мяса. Ее затошнило.

Мужчина принес пластиковую миску и поставил у изголовья кровати. На случай, если ее вырвет.

– Где я? – спросила Аля, борясь с головокружением.

– В гостинице. Мы в Индии. Это Гоа. Помнишь?

– Мне плохо... ужасно плохо...

Любое движение вызывало у нее ноющую боль и спазмы в животе. Во рту остался странный привкус.

– Я отравилась?

– Не знаю, – отозвался мужчина. – Может, тебе не подходит здешняя пища.

Он был в одних светлых шортах, его торс бугрился мышцами, плечи и лицо покраснели.

– Видишь, я тоже подгорел. Мы переборщили с солнцем.

Щелк!.. Аля сообразила, где она и с кем. Это гостиничный номер, а мужчина рядом с ней – Гор. Они вместе приехали в Индию, чтобы... чтобы...

– Трубка! – медленно произнесла она. – *Чилом!* Шива...

– Правильно, – кивнул он. – Теперь мы оба шиваиты, не только я, но и ты.

– Мы что-то курили...

– *Чарас*. Любимый аромат Шивы. Он постоянно курит и пребывает в блаженстве.

– Разве боги... курят?

– Шива – да. О других ничего сказать не могу. Не в курсе.

– Что это было? Что такое *чарас*?

– Гашиш, – прошептал Гор. – Его готовят из индийской конопли. Шива покровительствует курильщикам «травки». Он всегда в кайфе.

– Гашиш? – с ужасом переспросила Аля. – Наркотик? Ты заставил меня... курить наркотик?

– Ты сама согласилась попробовать.

– Ты не сказал, что это гашиш!

– *Чарас* и есть гашиш. Я думал, ты знаешь. Табак смешивают с гашишем и набивают им трубку. Это называется *чиллом*.

– Вот чем я отравилась... – простонала она. – Наркотой...

– *Чарас* способствует глубокой медитации и прозрению. *Садху* считают его божественным даром. Они курят, чтобы получить «окончательное прозрение».

Аля попыталась встать, но едва она пошевелилась, как ее скрутил приступ дурноты. Она побледнела, нос заострился. Гор успел подать ей миску, и ее стошнило.

– Дай мне воды...

Он принес бутылку теплой минералки и салфетки. Аля умылась и прополоскала рот, продолжая ощущать горьковатый привкус.

– Я отравилась гашишем...

– У тебя оказалась необычная реакция. Это я виноват, должен был предусмотреть. Ничего страшного. Полежишь денек, и все пройдет.

– Зачем мы здесь? Зачем ты привез меня сюда?

– Ты же сама хотела избавиться от страданий.

– Гашиш – это и есть избавление?

– Индия творит чудеса, Аля. Я не успел тебе показать ее. Ты увидишь, какая здесь красота, какие краски, какие люди!

– Старые хиппи, отмороженные панки, рейверы, курильщики «травки» и просто бродяги со всего мира. Приятная компания. По-моему, эти *садху* никакие не просветленные, а шарлатаны, которые наживаются на туристах.

– Вижу, тебе лучше, – усмехнулся Гор. – Ты ожила. Даже иронизируешь.

– Я хочу домой, в Москву.

– Не раньше, чем закончится наше путешествие. Обратные билеты уже куплены, и менять их я не стану.

Он вышел на улицу и оставил ее одну в жарком номере с люстрой-вентилятором на потолке. Аля лежала и думала: что у них за отношения? Кто она Гор? Подружка или любовница? Пару раз у них был секс, торопливый, небрежный. Словно Гор отбывал обязательную повинность. Аля то злилась на него, то корила себя за неумные претензии. Другая была бы счастлива, оказавшись на ее месте. Молодой мужчина увлекся ею, пригласил с собой в Индию, а она носом крутит. То ей не так, это не по нутру, секс не такой, как надо. Капризы и придирки в ее возрасте выглядят нелепо.

«Временами у меня воздержание, – как-то вскользь обронил Гор. – Это необходимо для шиваита. Но для тебя я делаю исключение. Не могу справиться со страстью».

Аля хотела ему верить. Предыдущий опыт порождал сомнения, которые она гнала прочь.

Она закрыла глаза и попыталась уснуть. Мешали духота и шум за окнами. Где-то гремела музыка, громко перекликались люди, сигналили машины. В Индии не существовало правил дорожного движения, и каждый ездил на свой страх и риск.

Вечером на побережье устроили дискотеку под открытым небом. Гор был возбужден, обещал Але «бешеный драйв» и «выход в астрал». Она не смогла собраться с силами, и он пошел один.

На следующее утро ей в самом деле полегчало. Она повеселела, начала прихорашиваться. Гор взалхлеб рассказывал о вчерашних танцах под звездами, потрясающем диджее и факирах, плюющихся огнем. Вдоль берега были расставлены примусы, на которых пожилые индуски готовили чай для измотанных восточной экзотикой иноземцев.

– Ты не представляешь, как все вокруг движется, мерцает, и каждый танцор похож на многорукого Шиву!

Аля сочла его восторг наигранным и снова упрекнула себя в придирчивости. У нее нет-нет, да и возникал вопрос: «Что он во мне нашел?»

– Почему я? – не выдержала она. – Здесь полно девушек и женщин на любой вкус. А нравы более чем свободные.

– Я люблю – тебя!

Ей страшно хотелось верить. Но предыдущий опыт...

Перед ней возникла картина мертвого тела, во рту которого черный от солнца *садху* разводил костер для обряда поклонения Шиве, и она содрогнулась от отвращения.

– Обязательно было тащиться туда, где сжигают трупы? Меня до сих пор трясет.

– Таковы традиции, – парировал Гор. – Необходимо соблюдать правила, особенно в первый раз. *Чилом* положено курить на кладбищах или в крематориях. Это никого не удивляет.

– Есть еще какие-то правила, о которых я не знаю?

– После того, как мы вместе выкурили *чиллом*, у нас не должно быть тайн друг от друга.

Аля в широком платье из крашеного хлопка сидела в креслице у окна. Маленькую площадку перед отелем окружали пальмы, их тени падали на горячую землю. Небесная синева резала глаза. Шумел прибой, с пляжа доносилась музыка.

– Я скучаю по тишине...

– Вернемся в Москву, и у тебя будет тишины, хоть отбавляй. Ты ведь живешь одна?

– Запрещенный прием, – поморщилась Аля.

– Не обижайся. Одиночество не порок. Наоборот, способ обрести просветление.

– Я не стремлюсь к просветлению. Просто хочу быть счастливой.

– Ты много страдала?

Аля вздохнула и отвела глаза. Она потеряла всех, кого любила. У нее ничего не осталось, кроме воспоминаний.

– У меня не очень удачный брак, – признался Гор. – Мы с Тamarой живем под одной крышей, но в разных мирах. Они редко пересекаются.

– Можно развестись.

– Зачем? Я привык к жене, она – ко мне. Мы мирно сосуществуем.

– Ты спишь с ней?

– Конечно. Выполняю свой супружеский долг.

Аля прислушалась к себе. Екнуло ли сердце, вспыхнула ли жгучая ревность? Не екнуло, не вспыхнула. Выгорела ее душа дотла, притупились чувства. Один уголек все еще тлеет, но может ли от него возгореться пламя?

– У меня есть любовница, – добавил Гор. – Видишь, я ничего не скрываю от тебя.

– Значит, ты изменяешь жене не только со мной?

– Я бы не называл это изменой. Мы с Тamarой не давали друг другу клятв верности. Мы поженились, потому что тогда нам обоим этого хотелось.

– А теперь?

– Любая страсть рано или поздно остывает. Одни превращают это в драму, а другие продолжают жить и получать удовольствие.

– На стороне?

– Что здесь плохого? – искренне удивился он. – Когда я первый раз посетил Индию, у меня будто пелена с глаз упала. В Гоа я нашел полную свободу чувств. Вечером пары занимаются любовью в укромных местечках... а некоторые практически у всех на виду. Тут полно *бонобонистов*! Те вообще не заморачиваются по поводу секса: делают это как угодно, где угодно и с кем угодно.

– Боно... бонисты?

– Я тоже раньше о них не слышал. Прикольные чуваки! – в устах Гора молодежный сленг звучал так же естественно, как и философские сентенции. – Экстремалы! Они поклоняются обезьянкам *бонобо*, карликовым шимпанзе. Те водятся в Заире, откуда их развезли по свету. Зверушки устраивают такую «камасутру», закачаешься. Они постоянно заняты сексом – лесбийским, голубым, традиционным, извращенным, – во всяких позах и на любой вкус. У них не существует права собственности друг на друга. Поэтому обезьянки живут дружно, никогда не дерутся и не ссорятся. На это у них нет времени. Здесь у *бонобо* множество последователей.

– И ты – один из них?

– К сожалению, пока нет.

– Не удалось полностью избавиться от собственнических замашек?

– Угадала. Мне еще учиться и учиться.

Аля чуть не брякнула, что не заметила у него сильной тяги к сексу. Видимо, *бонобо* не слишком его впечатлили.

– Как зовут твою любовницу?

– Маша. Она моложе Тамары и слушается меня во всем. Мы познакомились на приеме: она моя пациентка. У нее было кожное заболевание.

– Надеюсь, не сифилис?

– Сифилис относится к венерическим болезням. А Маша пришла ко мне с банальной экземой, которая не поддавалась обычному лечению.

– Ты избавил ее от экземы, а она тебе отдалась? Женщины часто влюбляются в своих докторов.

– Да, – согласился Гор.

– Маша замужем?

– Она разведена. Жгучая брюнетка с очень соблазнительными формами.

– И ты всех любишь – ее, меня, жену?!

– Я человек с широким сердцем.

– Тебе все равно, что я чувствую? – вспыхнула Аля. – Ты нарочно говоришь мне это, чтобы разозлить, вывести из себя! Высечь искру! Так вот... все искры я растратила на других. Тебе не досталось. Огорчен?

Он молча пригладил волосы. Чертовски сексуальный жест. Красавцем Гора не назовешь, но смотреть на него – одно удовольствие.

– Теперь твоя очередь, – спокойно молвил он. – Исповедуйся.

– Я?

– Мы же договорились.

– Вообще-то я ничего не обещала...

– У тебя много скелетов в шкафу?

– Хватает, – насупилась она. – Тебе не обязательно знать о них.

– Так нечестно! Я перед тобой вывернулся наизнанку, а ты...

– Тебя никто не заставлял откровенничать.

– Ты давно никому не плакалась в жилетку, верно? Я готов стать этой жилеткой, подружкой, подушкой... Выложи мне все свои проблемы, как на духу. Тебе не с кем поделиться горем! Я вижу это по твоим глазам.

– Они лживы.

– Я не только гомеопат, но и психолог. Каждый хороший врач обязан быть психологом.

– Я не у тебя на приеме, – разозлилась Аля. – Не надо прикидываться, что видишь меня насквозь.

– Ты тщательно прячешь свои скелеты, а я предлагаю вытащить их на свет. Тебе станет легче.

Она поколебалась, но потом вздохнула и решилась. Гор прав, она давно носит в себе тяжкий груз.

– Я не была замужем. Ни разу. Собиралась, но так и не вышла. Причины объяснять?

– Как хочешь.

– У меня была любовь, но...

– Он выбрал другую?

– Поразительная догадливость.

– Подобные вещи случаются, – улыбнулся Гор. – Она любит его, а он любит ее подругу.

– У меня была вторая попытка заключить брак. И опять сорвалось.

– Жених сбежал из-под венца?

– Я его... убила...

Лицо Гора перекошилось. Он не успел натянуть маску и скрыть неприязненное удивление.

– Я не ослышался? Ты его – убила? Это правда?

– Чистая. Ты же сам настаивал.

В его взгляде появилось сомнение.

– Выходит, ты... сидела?

– Ага! Я зэчка со стажем! Что, не похожа? Зря ты со мной связался. Жалеешь, да? Гляди, кабы я и тебя не прикончила. Во сне, например... или на ночной прогулке. В полнолуние тяга к убийству обостряется...

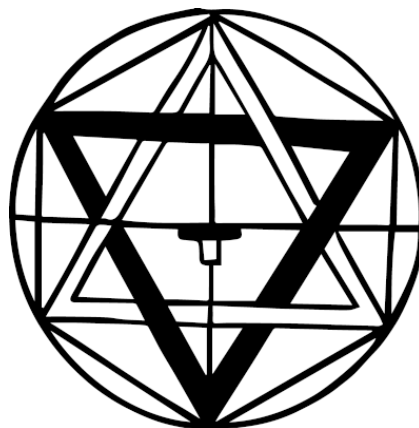
– Да ладно! – не поверил Гор.

Он сидел и молча сжимал и разжимал кулаки. Вот так новость.

– Сдрейфил? – сухо рассмеялась Аля. – Шорты не намочил со страху, доктор? Не бойся! Я пошутила. Жениха я в самом деле убила, но срок мне не дали. Смягчающие обстоятельства, классный адвокат, ну и деньги, разумеется. Пришлось продать квартиру, переехать в меньшую. Зато я не угодила за решетку.

Гор был ошарашен, сражен. Он-то надеялся поразить Алю своими откровениями, но получилось наоборот. Вопросы, которые он собирался задать, застряли у него в горле...

Глава 7

Черный Лог

Поездка в Прокудинку вызвала у Лаврова тягостное дежавю. Неужели прошлое не осталось в прошлом?

– Я могу выяснить, кто купил дом Нефедовых, – предложил он Глории за завтраком. – Если тебя это волнует.

– Меня волнует не это...

– А что?

– Как предотвратить чью-то смерть, которая очевидна только для меня.

– Ты полагаешь... кто-то умрет? Хозяин того дома?

– Не важно, *кто* умрет. Важно остановить убийцу.

– Ты его знаешь?

– Я его чувствую... У него пока нет конкретного образа, но в его больном уме уже зреет замысел. И этот замысел... касается меня!

Лавров поперхнулся чаем.

– Тебя? – поразился он, откашлявшись. – Ты думаешь, кто-то хочет тебя убить?

– Ты не так понял...

Он ничего больше не смог от нее добиться, как ни старался. Глория заявила, что ее подозрения трудно облечь в слова. Это всего лишь смутные образы и обрывочные мысли.

– Знаешь, к чему приведет спешка? Мы оба запутаемся, Рома. Дай мне время разобраться в своих ощущениях. Кстати, предлагаю погостить у меня несколько дней. Тебе не надоела задымленная Москва?

Он с радостью принял ее приглашение. Быть рядом с Глорией – его давнее желание, о котором ей известно.

– Санта приготовит для тебя гостевую спальню.

Лавров не смел надеяться на другой расклад. Он уснул, вспоминая дом в Прокудинке и болтовню знахарки.

Наутро пошел дождь. Гостя разбудил громкий лай Найды. Он встал, подошел к окну и увидел лужи и чужую машину, въезжающую во двор. Мокрый сад блестел. Косой пеленой падали мелкие капли.

Через минуту Санта зычным голосом доложил хозяйке, что к ней пожаловали.

Посетитель оказался молодым человеком в черных брюках и светлой рубашке. Он стоял в холле, нервно покусывая губу.

«Типичный клерк, – отметил про себя Лавров, проходя в кухню. – Интересно, что ему тут понадобилось?»

Парень покосился на него и отвернулся, не поздоровавшись. Он выглядел очень напряженным.

В кухне был накрыт стол на двоих. Белая скатерть, зеленая посуда, запах свежих булочек. Санта деловито разливал кофе по чашкам. Глория вошла, кивнула Лаврову и сказала, чтобы он после завтрака спрятался за ширмой в каминном зале.

– Слушаюсь, босс!

Человек, который приехал к ней на беседу, не должен видеть сыщика. Зато тот будет все видеть и слышать.

– Принесла нелегкая басурманина, – ворчал слуга. – Прикатил ни свет ни заря. Из-за него Глория Артуровна поесть не успела.

– Часто он сюда наведывается?

– Первый раз. Без всякого предупреждения, между прочим.

– Как же он мог предупредить о своем визите, если у вас сотовой связи нет? – заметил Лавров, намазывая булочку маслом.

На это Санта сердито сдвинул густые, как у Деда Мороза, брови и засопел.

– Нам мобильная связь ни к чему. От нее беспокойства много.

– Тебе не угодишь.

Лавров ел, прислушиваясь к голосам в прихожей. Слов было не разобрать...

Сыщик сидел на стуле за ширмой и в щелку разглядывал гостя.

Тот так волновался, что покрылся потом, несмотря на прохладу, льющуюся из окон. Шум дождя сопровождал эту странную беседу.

На вид гостю было около двадцати шести – двадцати семи лет. Он назвался Антоном Рябовым. Едва Глория устроилась в кресле напротив, перед ней словно открылась дверца в чужую жизнь. Этот молодой человек – любитель фитнеса, приверженец здорового питания, холост. Из интеллигентной семьи, получил хорошее образование. Работой доволен, к карьерному росту особо не стремится. У него есть любовница... замужняя дама...

– Что вас привело ко мне?

– Я... мне посоветовал обратиться к вам один человек. Он... вы ему помогли в одном запутанном деле... В общем, он сказал, что вы...

Посетитель смешался и покраснел.

– Вы в самом деле... экстрасенс? – выдавил он. – Сейчас много людей, которые заявляют, что способны видеть наперед. Есть и шарлатаны. Мне бы не хотелось делиться сокровенным, не будучи уверенным, что...

– Если вы сомневаетесь, то я вас больше не задерживаю.

– Нет! Просто... нельзя ли как-нибудь убедиться...

– Нельзя, – отрезала Глория. – Я не собираюсь ничего вам доказывать. Зачем вы пришли? Говорите или уходите.

Рябов обвел отчаянным взглядом комнату, поежился и решился:

– Понимаете... я боюсь за близкого человека, женщину. Но... это всего лишь подозрения, ничем не подкрепленные. Если бы я знал наверняка... то принял бы какие-то меры. А так... мне остается пассивно наблюдать и ждать, пока... Это невыносимо! Я люблю эту женщину! По-настоящему люблю! Правда, мои чувства не взаимны...

– Что же тогда вас объединяет? Постель?

– Мне неловко признаваться в этом, но Тамара... ей нравится заниматься со мной сексом. До недавних пор я думал, что меня тоже тянет к ней чисто физиологически. Когда я узнал, что ее... что ей грозит опасность, у меня все внутри перевернулось. Я не сплю, не ем... и думаю

только о ней, как ее защитить. В конце концов, я плюнул на гордость. Пусть она меня не любит, я все равно должен ей помочь! Я не могу без нее...

– Вы хотите спасти ее от смерти?

– Ее хотят убить! – понизив голос, сообщил молодой человек. – А она не придает значения угрозам! Не хочет меня слушать. Смеется надо мной! Она самостоятельная, независимая, хорошо зарабатывает. Мы оба трудимся в рекламном агентстве. Понимаете, у Тамары есть муж, врач. Он занимается частной практикой. Пациентки и все такое... Вы знаете, как это бывает. Обеспеченные дамы, которые лечатся от скуки, а не по болезни, обожают Шестакова. Это соблазн... и для него, и для них. Люди легко поддаются соблазну.

– Фамилия доктора – Шестаков?

– Да.

– Значит, Тамара Шестакова – ваша любовница?

– У него тоже есть любовница, и, полагаю, не одна. Шестаков нравится женщинам. Есть типы, которые глазом моргнут, и готово: любая падает к их ногам. Муж Тамары как раз из таких. Вы не подумайте, что я наговариваю из ревности. Шестаков – страшный кобель.

– Странная пара эти Шестаковы, – задумчиво молвила Глория.

По мере того, как Антон Рябов рассказывал свою историю, перед ней возникали лица, фигуры, обрывки разговоров и даже постельные сцены.

– Еще какая странная! – подтвердил посетитель. – Не разводятся, хотя изменяют друг другу направо и налево. Что-то продолжает держать их вместе.

– Вы предлагали Тамаре руку и сердце, а она вам отказала. Верно?

– Ну... в общем, да. Это вы догадались, или...

– Или.

– Ага, – озадаченно кивнул Рябов. – Тамара привыкла к хорошей жизни. Квартира с классным ремонтом, мебель, тряпки. А что я? Делю с мамой тесную двушку в Мытищах, да и денег Шестаков приносит больше. Сравнение не в мою пользу. Тамара очень расчетливая, до мозга костей. Скажете, как можно любить такую? Я ее недостатки вижу, не слепой. Но поделаться ничего не могу. Сохну по ней, и все!

Сидящий за ширмой Лавров подумал о себе. Разве Глория не водит его за нос годами? А он служит ей, как верный пес. В нем шевельнулось сочувствие к Рябову.

Тому стало неловко за свои признания. Чего он вдруг разоткровенничался? Достаточно было бы коротко изложить факты, а не распускать слюни и сопли. «Люблю! – мысленно передразнил он себя. – Сохну! Придурок...»

– Кто же, по-вашему, собирается убить вашу любовницу?

– Мне кажется, одна из пациенток серьезно запала на Шестакова. Она имеет на него виды, но жена мешает. То есть Тамара. Вот она и решила ее того...

– Убрать с дороги, – подсказала Глория.

– Типа да...

– Вам не стыдно читать чужую переписку?

– Я не читал!

Глория молча укоризненно смотрела на него, и он не выдержал:

– Вы правы. Я вскрыл ее страницу в «Фейсбуке» и полюбопытствовал, что ей пишут. Она сама обмолвилась про угрозы со стороны какой-то Маши Веткиной. В общем, Веткина прислала ей очередную гадость. Мол, готовь себе платье для похорон... Мне стало жутко. Я испугался за Тамару, понимаете? От этого сообщения веяло чем-то ужасным. Смертью, вот чем!

– И вы решили выяснить, кто скрывается под ником Маши Веткиной?

– А что еще я мог сделать? – пожал он плечами. – Я попросил своего друга установить адрес, с которого было отправлено сообщение. Он хакер. Ему это раз плюнуть. Ну вот...

– Оказалось, что Маша Веткина далеко не глупа и посылает угрозы из интернет-кафе или салона?

Антон удрученно кивнул.

– Сами понимаете, обращаться в полицию бесполезно. А частным сыщикам я не доверяю. К тому же, если Тамара узнает, что я сую нос в ее дела, мне не поздоровится. Она попросту разорвет со мной отношения.

– Это не самое страшное, – улыбнулась Глория.

– Как для кого.

– От меня-то вы чего ждете? Думаете, я назову вам настоящую фамилию и домашний адрес Маши Веткиной? Хлопну в ладоши, щелкну пальцами... вуа-ля! Вот вам точные данные на злоумышленницу!

– Я не настолько наивен, чтобы верить в подобные штуки. Скажите, существует реальная угроза жизни Тамары, или я преувеличиваю? Может, Маша Веткина решила всего лишь попортить нервы сопернице?

Казалось, Глория обдумывает его вопрос, но на самом деле ее мысли унеслись далеко. Она «увидела» тускло освещенную комнату, ощутила кислый запах вина и уксуса... На деревянном полу стояла босая голая женщина. Мужчина, одетый во все черное, что-то перемешивал в металлической посудине...

– ...ходил в то кафе, но ничего толком не разузнал, – донеслось до нее. – Вы меня слушаете?

Глория очнулась.

– Мне продолжать? – уставился на нее Рябов.

У него было озабоченное и бледное лицо, тщательно выбритое, почти без загара. Когда ему загорать? Торчит с утра до вечера в офисе, потом бежит в тренажерный зал или к любовнице. Чувство, которое он испытывает к Тамаре Шестаковой, можно расценивать по-разному, но оно безусловно сильное.

– Я ходил в то кафе, откуда отправляла сообщения Маша Веткина, – повторил он. – Рассматривал завсегдатаев, думал, что догадаюсь, кто затаил зло на Тамару. Как будто у человека на лбу написаны его замыслы! Я просидел там несколько вечеров кряду... и никого не вычислил. Сам я ничего не добьюсь. Потому и пришел к вам. Дайте мне хоть какой-то намек, ориентир...

Глория очутилась в полутемной комнате, где мужчина гладил обнаженную женщину руками по спине и груди... макал ладони во что-то бурое и блестящее и снова гладил... макал и гладил... макал и гладил...

– Что там такое? – Рябов перевел взгляд в угол, куда смотрела Глория, и недоуменно повел плечами. В углу стояла китайская ваза на подставке.

– Ничего.

– Я прошу вас, дайте мне ориентир, кого искать, где искать... и главное, стоит ли затевать поиски. Если Тамара реально в опасности, то...

– Опасность более чем реальна.

Парень побледнел еще больше и нервно схватился за подбородок.

– Вы полагаете, Тамару могут убить? Значит, я не фантазирую? Не зря переживаю? И что же мне делать?

– У меня есть помощник. Без помощника в вашем случае не обойтись.

– Я... я согласен оплатить и ваши, и его услуги. Пусть он выяснит, кто угрожает Тамаре, и тогда можно будет действовать.

– Каким образом?

– Приставить к ней охрану. Я не знаю... заявить в полицию на конкретное лицо. Без этого они меня сразу отправят. Пошлют подальше!

Глория не могла сказать, что предотвратить смерть зачастую невозможно. Вдруг она ошибается? У человека должна быть надежда.

– Где этот ваш помощник? – занервничал Рябов. – В Москве?

– Я свяжусь с ним и поручу навести справки о пациентках Шестакова.

– Да! Пусть потрется среди них, авось какая-то проболтается. Вот деньги... – он достал из борсетки конверт и положил на стол. – С Тамарой ведь ничего плохого не случится? Мы сможем спасти ее?

Глория «видела» мертвое тело женщины в синем костюме – узкая юбка с разрезом, оголенная нога, шелковый топ, волосы вокруг разбитой головы...

– Минуточку, – спохватился посетитель. – Я забыл сказать. Шестаков вчера прилетел из Индии, привез Тамаре кучу подарков. Он всегда привозит. Замаливает грехи! В этот раз он опять зажигал в Гоа и наверняка с женщиной...

Глава 8

Москва

Аля работала в сетевой компании по распространению пищевых добавок. У нее был свободный график, и она могла распоряжаться своим временем.

Поездка в Индию выбила ее из привычной колеи, заставила встряхнуться и посмотреть на себя по-новому. Чем она занимается? Как живет? В однокомнатной квартире все напоминало ей о собственной неустроенности. Две недели, проведенные в Гоа с Гором, показались ей страшной сказкой. Она не разделяла восторга, который излучал ее спутник.

Гор обманом вынудил ее курить гашиш. Аля впервые попробовала наркотик. Она не знала, что при этом испытывают другие, но ее ощущения были ужасны. Дурнота, провалы сознания, темные бессвязные сны. Гор вел себя как ни в чем не бывало. Аля незаметно следила за ним, не покуривает ли он тайком «божественный аромат Шивы». Неужели она связалась с наркоманом?

В гостиничном номере у них несколько раз был секс. То, что произошло между ней и Гором после *чиллома*, не шло в сравнение с предыдущими пресными ласками. Гор не смог уговорить ее заняться любовью под открытым небом, в полнолуние, на прогретом за день песке. Но и без того его нарочитая развязность шокировала Алю. Видимо, после совместного приобщения к Шиве Гор решил преподать ей урок «Камасутры». Она стерпела.

Утром, вспоминая ночные упражнения, Аля залилась краской и заявила, что она – не обезьянка *бонобо*. «Жаль! – ничуть не смутившись, вздохнул Гор. – Тебе следовало бы поучиться у этих милых созданий!»

На обратном пути, сидя рядом с ним в самолете, Аля спросила:

«И давно ты куришь?»

«Я не курю», – беззаботно ответил Гор. Он загляделся в иллюминатор на рыхлые клубы облаков и даже не повернулся к ней.

«А как же *чиллом*?»

«Это для транса. Аромат Шивы освобождает сознание. Я начинаю чувствовать себя богом!»

Она промолчала. Вероятно, Гор и в Москве регулярно погружается в «божественный транс». Не зря же он оговорился, что достать гашиш для него не проблема.

– Все ясно, он наркоман, – твердила Аля, меряя шагами свою неухоженную квартиру. – И вообще... какой-то он фальшивый.

Это слово – фальшивый – прочно засело в ее уме. Что бы она ни делала, ее мысли текли к Горю. Может, он все врет? Никакой он не врач и ничуть ее не любит. В чем тогда заключается его цель? Зачем он прикидывается влюбленным, тащит ее за собой в Гоа, дает попробовать *чиллом*? Продолжает ухаживать?

Здравый рассудок уступал естественной женской жажде любить и быть любимой, обрести спутника жизни, создать наконец семью. Аля понимала, что Гор не собирается на ней жениться: ему нужно от нее что-то другое.

– Что? Что? – повторяла она мысленно и вслух. – Что?

Вопреки всему Аля увлеклась этим странным и опасным мужчиной. Даже их своеобразная близость, исполненная то обидного равнодушия, то дикой страсти, начала захватывать ее. Гор был неповторим во всем: его ум был устроен не так, как у прочих, и его сексуальные вкусы отличались от того, к чему она привыкла.

Аля не могла больше оставаться в неведении. Она решила действовать и в первую очередь засела за ноутбук.

– Ну что, милый, пришла пора познакомиться по-настоящему...

Ей удалось отыскать телефон и адрес его офиса на сайте предложения медицинских услуг. Она долго размышляла, как лучше поступить, и остановилась на первом варианте, который пришел ей в голову.

После того, как ее судьба совершила резкий поворот, Аля научилась экономить. Она бережно расходовала деньги и накопила некоторый запас, как будто предвидела, что ей это понадобится. Деньги Аля держала в банке – небольшую сумму, оставшуюся после продажи квартиры и полного расчета с юристами. Она не притрагивалась к ней, будучи в самых стесненных обстоятельствах. Но теперь, не задумываясь, сняла немного денег на расходы.

Прямо из банка Аля отправилась по магазинам и кое-что купила. Вернувшись домой, она приступила к делу. Грим, парик, очки, новая одежда, и вот ее уже не узнать...

Если бы не щедрость пассажирки, таксист бы не согласился так долго ждать. Он проголодался и думал о стакане холодной колы и большом бутерброде из «Макдоналдса».

– Скоро ваш муж выйдет?

– Не знаю. Давайте договоримся: я вам плачу, а вы не задаете мне вопросов.

Водитель вздохнул и откинулся на сиденье, подремать. Было жарко. Листья на деревьях сохли и опадали. Чувствовалось приближение осени.

– Трогайте, – сказала пассажирка, коснувшись его плеча.

– А?

– Вон машина, видите?

Таксист поднял голову и посмотрел, куда она показывает. С парковки медленно выезжал белый «Форд».

– Едем за ним. Только аккуратно.

– Понял...

«Ох, уж эти ревнивые жены, – думал таксист, пристраиваясь за «Фордом». – Увидит мужика с любовницей, истерику закатит. А мне утешай! Черт...»

У него тоже была ревнивая скандальная жена, которая по любому поводу устраивала допросы и грозила разводом. Любовь прошла, но он жалел детей. Негоже, чтобы они чужого человека называли отцом. А что у его дочек появится отчим, нет сомнений. Жена в лепешку разобьется, но сойдется с кем-нибудь. Назло ему.

«Форд» мчался вперед, и в какой-то момент таксисту показалось, что он его потерял. Рядом нервничала пассажирка. На перекрестке они догнали неверного супруга. Вскоре «Форд» свернул на Ивановскую улицу.

– Он едет домой, – заявила женщина и попросила таксиста подвезти ее к метро.

– Вы что, в разных местах живете? – удивился тот.

Она молча расплатилась и вышла. Это была Аля, которая, прикидываясь ревнивой женой, следила за Шестаковым.

На третий день слежки «Форд» выехал за город и привел преследовательницу в глухую деревушку.

– Я дальше не поеду, – заявил таксист. – Стремно все это. Темнотища, хоть глаз коли. Я вообще за город клиентов не вожу. Тем более вечером. Вам сделал исключение как женщине.

– Послушайте... я плачу вам втрое больше тарифа.

– А мне по фиг, – уперся водитель. – Жизнь дороже. Кто вас знает? Может, вы террористка!

Он остановился у поворота и потребовал, чтобы пассажирка с ним расплатилась. Ей самой было страшно. Но раз уж она оказалась здесь, надо выяснить все до конца.

– Вы что, бросите меня здесь одну, ночью? Как же я доберусь обратно?

– Надо было раньше думать.

По сторонам дороги чернели деревья. Светила луна. Вокруг ни души. Только вдали мерцают огоньки.

– До деревни рукой подать, – буркнул таксист. – Собаки брешут, слышите? Пойдете по дороге прямо, не заблудитесь.

Аля обрадовалась, что надела легкий спортивный костюм и кеды. Грунтовка тут ухаби-стая, можно ногу подвернуть.

Таксист не уезжал, медлил.

– Эй, дамочка! – крикнул он ей в спину. – Может, плюньте вы на все и айда обратно в Москву?

Она обернулась и махнула ему рукой. Поезжай, мол.

– Возьмите фонарь... тут яма на яме. И от собак будет чем отбиться. Они по деревьям голодные рыскают, еще накинута.

Аля решила не отказываться. Фонарь ей пригодится. Он оказался довольно мощным, с длинной ручкой.

– Если что, бейте, как дубинкой, – посоветовал таксист. – Штука проверенная. Не подведет.

– Я вам должна за фонарь?

– Мы вроде рассчитались. Ну, бывайте, дамочка...

Он начал разворачиваться. Аля побрела вперед, к мерцающим в ночи огням. Над лесом висел месяц. Между деревьями, в крошечном мраке что-то шуршало, возилось. У нее душа ушла в пятки, когда наперерез метнулся какой-то зверек. Она с трудом сдержала крик.

Запахло водой и тиной, послышался тихий плеск. Аля сообразила, что рядом речка. Огни приближались. «Форд», который свернул в деревню, стоит где-то во дворе. Гаражей сельчане не строят. Луч фонаря выхватывал то покосившийся деревянный забор, то заколоченный дом... еще забор с проросшим насквозь кустарником... еще дом...

Ноги сами несли Алю вперед. Одни дома стояли пустые и безмолвные, в других светились окна. Казалось, следом за ней кто-то крадется. Она оглядывалась, но кроме лохматых дворняг со светящимися в ночи глазами никого не было видно. Собак Аля не боялась. Наоборот, их присутствие придавало ей бодрости. По крайней мере, она не одна на этой словно вымершей улице.

Чем дальше она шла, тем сильнее ее одолевал страх. Чутье подсказывало, что «Форд» где-то близко. Когда Аля увидела за облезлым штaketником машину, она даже не посветила фонарем на номера. И без того ясно, чье это авто.

Пораженная, она замерла и привалилась спиной к березе. Дом во дворе был мрачным. Свет в окнах, выходящих на дорогу, окутывал его угрюмые очертания желтоватым ореолом.

Аля отдышалась и настроила себя на решительный лад. Не для того она следила за Гором, чтобы теперь спасовать. Раз уж она здесь, то должна выяснить, чем он занимается на самом деле.

Аля не стала ломиться в калитку и осторожно двинулась вдоль забора. Сердце ее взволнованно билось, коленки дрожали. Обнаружив несколько штакетин, которые свободно болтались, она раздвинула их и пролезла внутрь. Фонарь пришлось спрятать в кустах, чтобы не мешал. Света и без него хватало.

Во дворе стояла ужасная вонь. Подобравшись поближе к сараю, Аля наткнулась на большую кучу навоза.

– Фу-у...

Скрипнула дверь, и на крыльцо вышел мужчина с большой стеклянной бутылкой в руках. Это был Гор.

Аля скользнула за сарай и затаила дыхание. Гор медленно спустился по ветхим ступеням, он шагнул прямо на нее. Она обомлела. Если он ее заметит...

Он остановился, посмотрел по сторонам, поставил бутылку на землю и взялся за лопату. Аля не видела, что в бутылке. Судя по движениям и походке Гора, посуда была полна.

Гор закапывал бутылку в навоз! При этом он что-то приговаривал себе под нос. Потом он сходил в дом и вернулся с тряпкой и пузырьком, из которого обрызгал какой-то жидкостью навозную кучу. Покончив с обрызгиванием, он зажег благовонную палочку и сделал круг, окуривая навоз дымом.

Но это было еще не все. Гор опять взял в руки лопату. На сей раз он *выкапывал* бутылку – не ту, которую только что закопал, а другую. Эту вторую бутылку он тщательно вытер от навоза тряпкой и унес в дом...

Глава 9

Москва

Глория обвела взглядом приемную Шестакова. Уютно, чисто и просто. Кожаный диван, пара кресел, столик с кипой глянцевого журналов. На стенах – индуистская символика. Запах духов и сандала.

Глория могла бы держать пари, что доктор употребляет «травку». Она узнала этот характерный аромат, хотя ни разу в жизни не пробовала и даже не нюхала гашиш. Запах чувствует только она. Другие женщины вдыхают духи друг друга и ревниво разглядывают чужие наряды. Она нарочно оделась в скромное серое платье и гладко причесала волосы, чтобы не привлекать к себе внимания.

«Вряд ли Шестаков держит здесь принадлежности для курения», – подумала она. Этот запах существует где-то рядом, в иной реальности, которая находится очень близко. Глория мысленно заглянула туда, за занавес, непроницаемый для остальных и прозрачный для нее. Там доктор Шестаков смешивал красное вино, уксус, золотой порошок и бормотал заклинания... Там он ждал появления царицы Савской, чтобы...

– Вы записаны? – осведомилась дородная дама в коричневом платье. Оно так туго обтягивало ее, что трещало по швам. Дама была обильно нарумянена, на толстых губах блестела помада. В приемной работал кондиционер, но дама еще обмахивалась журналом. Ее мясистое лицо лоснилось от пота.

– Да, конечно, – без запинки выдала Глория.

– На который час?

– Доктор обещал принять меня в обеденный перерыв.

– А! – многозначительно вымолвила дама и облизнула губы.

Пациентки ждали своей очереди. Все они думали о докторе, каждая по-своему. Глория утонула в похотливых фантазиях сих представительниц прекрасного пола. Тайные мысли! Вот где кроется истинное существо человека.

После того, как кто-то покидал кабинет, над дверью вспыхивала надпись: «Входите». Доктор отводил на прием одного пациента около получаса. В общем, достаточно. Он старательно придерживался графика. Не было никакой нужды приходить заранее и торчать в приемной, тратя время впустую. Очевидно, у женщин был мотив поступать так. «Находиться в непосредственной близости от своего кумира для них – верх блаженства», – догадалась Глория.

Две блондинки в похожих джинсовых сарафанах увлеченно сплетничали. Если они и были чем-то больны, то экзальтированной восторженностью. Шестаков для них – царь и бог в одном лице. Гуру, который ведет их из тьмы к свету.

Глория фыркнула, чем вызвала осуждающий шепоток. Впрочем, о ней тут же забыли, едва в приемную вошла стройная барышня с копной черных спиралек на голове. Узкие брючки, спущенная с плеч кофта, бретели бюстгалтера, который чудом удерживал пышную грудь. В ее очах сверкало что-то испанское, южное и горячее.

Это была та самая голая красотка, которую доктор намазывал бурой смесью в полумрачной комнате деревянного дома!

«А вот и ты! – отметила Глория. – Я знала, что сегодня встречу тебя здесь!»

Брюнетка, звеня браслетами, уселась в свободное кресло и с вызовом положила ногу на ногу. Весь ее вид говорил: даже не пытайтесь соперничать со мной! Куда вам, квелым бледным поганкам, до моей красоты и бешеного темперамента!

Присутствующие дамы отвели глаза, чтобы скрыть завистливую ненависть. Глория с интересом наблюдала за этой банальной сценой.

– Маша? – бросила она в напряженную тишину приемной. – Привет!

– Мы знакомы? – удивилась брюнетка.

– Ой, простите... я кажется, обозналась...

Барышня сверлила ее подозрительным взглядом, покачивая ногой. Она была обута в туфли на шпильках. Эти длинные шпильки с железными набойками можно использовать как оружие.

– Обозналась! – поддельно смутилась Глория. – Извините.

Брюнетка не удостоила ее кивком своей царственной головы. Присутствующие захихикали.

В одежде Маша Веткина так же хороша, как и обнаженная. В какую игру она играет с Шестаковым?

Глория выполнила свою миссию. Злоумышленница обнаружена. Теперь дело за Лавровым. Пусть проследит за этой барышней.

Глория принялась суматошно рыться в сумочке. Она заранее придумала причину, по которой ей срочно понадобится уйти. На прием она не записывалась, но заявила обратное. Теперь нужно ретироваться так, чтобы ни у кого не возникло сомнений: ей необходимо вернуться домой.

– Боже! Какая я растяпа! Кошмар!

– Что с вами? – холодно осведомилась дородная дама в коричневом платье.

– Я забыла закрыть дверь в квартиру! Ключей нет! Значит, они остались дома! Муж мне голову оторвет...

– Видела Шестакова? – спросил Лавров, когда она села в машину.

– Нет. Он носа не высовывал из своего кабинета. Не врываться же мне туда?

– Я надеялся, что ты...

– Зачем нам Шестаков? Не он угрожает собственной жене.

– Любопытно, что он за тип.

– Уникал, который поклоняется Шиве, морочит голову женщинам и курит гашиш.

– Доктор – наркоман? – поразился сыщик.

– Полагаю, он дозирует «травку», чтобы не впасть в жесткую зависимость. Курение гашиша для него не только кайф, а прежде всего ритуал.

– С чего ты взяла?

– У него в приемной стены расписаны священными индуистскими знаками.

– Просто дань моде, – возразил Лавров. – Сейчас на гребне йога, фэн-шуй, мантры и прочая восточная дребедень.

– Это не про Шестакова. Восточная дребедень, как ты выразился, всего лишь ширма, за которой он что-то прячет.

– Так загляни за ширму!

– Пытаюсь. Пока не получается.

Глория лукавила. То, что брезжило «за ширмой», пугало ее. Там в синеватых сумерках всплывали образы царя Соломона и царицы Савской... африканская саванна... мертвые лица людей... круглая золотая пластина...

– Значит, надо проследить за доктором, – сердито бросил Роман.

– Сначала за Машей Веткиной.

– Она была в приемной? Как ты ее узнала?

Глория с улыбкой подняла палец к потолку.

– Мне был голос свыше.

– Издеваешься? – обиделся он.

– Вовсе нет. Едва она вошла, я сразу почувствовала ее флюиды. Она связана с Шестаковым какой-то тайной. Они не только любовники. К тому же ее зовут Маша.

Лавров повел плечами и фыркнул. Сколько в Москве Маш – не перечесать.

– Эта женщина жутко ненавидит Тамару, – добавила Глория. – Готова порвать ее на куски. Кстати, ты должен был видеть, как она входила в парадное. Яркая особа, в твоем вкусе.

Сыщик действительно засмотрелся на грудастую барышню в брюках-дудочках. Он скривился и пробормотал:

– Черненькая? С голыми плечами?

– Говорю же, в твоем вкусе, – рассмеялась Глория.

– Она приехала вон на том красном «Фольксвагене». Дамский вариант.

– Остынь, Рома. У этой гламурной брюнетки уже есть любовник. Тебе не обломится.

– Ты уверена, что сообщения с угрозами посылает именно она?

– Держу пари! «Платье для похорон» – ее стиль. Она помешана на одежде. В голове – преимущественно секс и тряпки. Ради этого она пойдет на многое. Проследи за ней и выясни, где живет, чем дышит.

– Думаешь, она способна на убийство?

Глория промолчала. «Туарег» стоял на открытом месте и нагрелся от солнца. На бульваре в тени лип отдыхали пенсионерки. Сверху на город лилось синее небо. Все застыло в жарком безветрии. Стекла окон были опущены, но вязкий как желе воздух не двигался.

Лавров испытывал двойственное чувство желания и злости. Глория дразнит его, не приближает окончательно, но и не гонит. После редких ласк она делает вид, что между ними ничего не было. Их отношения напоминают затяжную партию в шахматы, до которых Глория – большая охотница. Сыщик уже не чаял выиграть партию. Он довольствовался тем, что она давала ему.

Бывают разные виды любви. У них с Глорией – любовь-поединок. Что достанется тому, кто одержит победу? И надо ли ее одерживать?

– Хочу кофе. Ты взял термос? Эй!.. Ты меня слышишь?

– Я все выпил, пока ждал тебя, – очнулся Роман.

– Тогда купи мороженое. Духота, сил нет.

Он послушно сбегал к лотку и вернулся с двумя порциями пломбира.

– Белорусский, натуральный...

Когда Маша выпорхнула из парадного и направилась к своей машине, мороженое уже было съедено. Глория вытерла руки влажной салфеткой, протянула такую же сыщику. Тот мотнул головой и включил зажигание.

Красный «Фольксваген Гольф» водил их за собой часа три. Магазины, солярий, опять магазины. Маша, покачиваясь на высоченных шпильках, казалась неустойчивой.

– С ума сойти, – присвистнул Лавров. – Как можно держаться на этих ходулях?

Изнывая от скуки под торговым центром, сыщик созвонился с бывшим сослуживцем, продиктовал тому номер «Гольфа» и попросил установить владельца.

Глория дремала. В ее сознании происходила подспудная работа. Мелькали картинки, теснились мысли. Доктор Шестаков, развалившись в кресле, курил трубку... кто-то метался в дыму пожара, звал на помощь... кто-то рубил на куски черных африканских идолов... кто-то тонул в ледяной полынье...

– Паша! – вскрикнула она.

Утопленник схватил ее за плечо, начал трясти...

– Проснись... проснись же...

Она открыла глаза и увидела встревоженного Лаврова. От сладкого мороженого ее слегка подташнивало. Может, этим объясняются мрачные видения.

– Ты звала Пашу. Это тот самый Нефедов?

– Уф-фф... Мне почудилось, что он...

Она не договорила. На парковке показалась стройная брюнетка, погрузила покупки в багажник, и «Гольф» тронулся с места. Лавров поехал следом.

– Неужели барышня изменила себе? – удивился он, притормаживая. – Похоже, это не магазин, а какой-то салон.

Маша шагала к входу в салон, не оглядываясь. Она не подозревала, что за ней следят.

– Это салон магии, – заметила Глория. – Судя по названию, его хозяйка – женщина. Посмотри на вывеску.

– «Эрна», – прочитал он. – Да... вряд ли так зовут мужика. Ты серьезно насчет магии?

Глория не успела ответить. Брюнетка скрылась за дверью, и в тот же миг зазвонил сотовый Лаврова. Бывший сослуживец сообщил ему данные по красному «Гольфу». Машина принадлежит некой Марии Рамирес, проживающей на Тимирязевской улице.

– Так это же рядом с Шестаковыми, – вырвалось у сыщика. – Я не тебе... Спасибо, дружище. С меня причитается...

Он отключил телефон и повернулся к Глории со словами:

– Маша Рамирес проживает недалеко от Шестаковых. Я пробил их адрес. Это не случайное совпадение. Думаю, ты права: она и есть «Ветка».

– Если хозяйка салона согласится помочь, то мы узнаем, зачем ходит к ней эта дамочка. Хотя... и без того ясно.

– Думаешь, она решила приворожить доктора?

– И навести порчу на его жену! – кивнула Глория. – Такие хищницы ничем не гнушаются.

– Рамирес... Рамирес... испанка, что ли?

– Внешне очень даже смахивает. Но по-русски говорит без акцента. Наверное, у нее мать русская.

– Ох, не нравится мне все это, – покачал головой Лавров. – Рамирес, магия, соседство с Шестаковыми, угрозы...

Глава 10

В тот вторник Тамара, как обычно, ушла на работу, а доктор решил выкурить *чиллом*. В его комнате стояла большая статуэтка Шивы. В шапочке бога был устроен тайник. Бронзового четырехрукого Шиву обвивали змеи, взгляд его направлен в вечность. Сие олицетворение *космического сознания* ставило Шестакова в тупик. Как ему проникнуть туда, куда устремлены глаза Шивы? Гашиш должен облегчить задачу.

Доктор достал из тайника атрибуты «священнодействия», набил трубку, включил *мандо* и уселся в мягкое кресло. Долго находиться в позе лотоса было утомительно, а в кресле он сможет расслабиться и погрузиться в транс. Без *чараса* сознание освобождаться не хотело, мертвой хваткой цеплялось за телесную оболочку, и Шестаков упирался в одно и то же: полет мысли оказывался безнадежно приземленным.

– Так я ничего не добьюсь, – огорчился он, глядя в подернутые блаженством очи Шивы.

Тот явно не понимал, какие гири тянут его приверженца к земле. Ведь это легко – воспарить над материей и соединиться с божественным астралом.

Доктор уверовал в теорию, но обломался на практике. Астрал, куда он навязчиво стремился, отторгал его.

– Либо я иду не тем путем, либо... мне не хватает настойчивости.

Он не торопился, предвкушая блаженство, которое ему подарит «аромат Шивы». Медленно сделал затяжку. Негодование, раздражение, беспокойство таяли, как снег в лучах сияющего солнца.

Комната наполнилась сизоватым дымком. В дыму плавали обнаженные красавицы с золотой кожей... они прислуживали своей царице... Та полулежала на шкуре леопарда, ослепительно прекрасная, и смотрела на доктора. Под ее платьем прятались волосатые козлиные ноги...

Он пытался дотянуться до нее... но пальцы ловили лишь бесплотный дым...

Он бродил по роскошному дворцу... и оказался в руинах, где набрел на скелет...

«Я шел по тому же пути, – прокаркал скелет и щелкнул челюстями. – Видишь, что со мною случилось?» Он показал доктору золотую безделушку, поманил и сжал в костяных объятиях...

– Пусти!.. Пусти!.. – изо всех сил сопротивлялся Шестаков.

Белые кости рассыпались в прах. Доктор обрадовался спасению, но не тут-то было... Из развалин выскочил разбойник и ударил его ножом в грудь...

Служанки продолжали расчесывать царице волосы, а она закидывала голову и смеялась, смеялась...

Шестаков грезил о царице в драгоценных одеждах, в розовом, как утренний туман, покрывале...

Дым подхватил его и понес прочь... все дальше и дальше... в самое сердце песчаной бури... в середину огненного вихря...

Он горел. Это страсть сжигала его... пекло плотского вожделения... И вдруг все стихло. Огонь потух. Буря улеглась... Доктор очнулся на полу деревянного дома с перерезанным горлом... он хотел крикнуть, позвать на помощь... но мертвые уста не издали ни звука...

Над крышей сверкали молнии... грохотал гром... Синяя вспышка, удар, треск, и дом объят пожар...

– Спасите...

Доктор полз по выскобленным доскам к двери... стонал... обрывал себе ногти... а вокруг гудело пламя... жаркое и жадное до человеческого мяса...

В углу сидел утопленник и показывал ему синий распухший язык... вращал белесыми глазами яблоками... корчился от хохота...

Пламя наконец добралось до Шестакова и лизнуло его в лицо... Алые языки мелькали вокруг, словно рукава царицы, которая была совсем рядом, но оставалась недосягаемой... и вот уже красавица превратилась в танцующего Шиву...

– Иди ко мне! – манил он доктора.

В воздухе висел пепел от кремации множества тел, было нечем дышать...

– Иди к нам! – зывали истощенные аскезой *садху*. – Раздели с нами этот божественный дар!

Они украсили себя гирляндами цветов и трав, разожгли ритуальный очаг. Шестаков хотел присоединиться к ним. *Садху* схватили его за руки и потащили на пляж, где под назойливую музыку колыхалась в трансе тысячеликая толпа...

– Ты хочешь возвыситься над нами! – кричали они, и каждый норовил дотронуться до доктора, оторвать кусочек его одежды...

Он вырвался и побежал по горячему песку прочь от возбужденной толпы...

Хлопнула дверь, и Шестаков снова увидел себя лежащим на деревянном полу... в окружении стеклянных бутылей... Слева стояла красная, а справа – синяя...

Некто сгорбленный, в черном плаще трижды ударял по печатам на горлышке бутылей, и внутри у них что-то шевелилось... словно плод в материнском чреве...

– Сулейманова печать! – с ужасом догадался доктор.

В синей жидкости плавало восхитительное лунное лицо... а в красной корчил рожи злобный бес...

Шестаков то проваливался в черноту... то пробирался по непроходимым джунглям... то летел над выжженной равниной... то возлежал на пышном ложе, где юные красавицы услаждали его ласками... и надо всем, во всем сквозило лукавое и прекрасное лицо козлоногой царицы...

Он очнулся вне времени и не скоро сообразил, что находится в своей квартире на Ивановской улице. Вот его любимая статуэтка Шивы, привезенная из Индии. Вот валяется на ковре трубка, из которой высыпался пепел. Окна закрыты, и в комнате трудно дышать...

– Тамара! – позвал доктор.

Никто не откликнулся, и он вспомнил, что жена ушла на работу и вернется поздно вечером. Голова словно песком набита, в глазах рябит. Кажется, *чиллом* не пошел ему впрок. Вместо кайфа он пережил тягучий кошмар. Отголоски этого кошмара все еще беспокоили его.

Доктор долго просидел в кресле, глядя в глаза кобре, обвивающей шею Шивы. Мысль посмотреть на часы не пришла ему в голову. Он погрузился в хаос. Из этого хаоса медленно и неотвратимо проступала Смерть...

Когда Шестаков смог встать и умыться, было уже начало первого. Он опаздывал на прием. Второпях побрился, оделся, обул туфли... и только в прихожей сообразил, что сегодня у него выходной. Он брал свободный день посреди недели, чередуя вторник и четверг. Так было удобнее и ему, и его пациенткам.

Чертыхаясь, доктор переоделся в домашнее и вернулся в свою комнату. На компьютерном столике стояла фотография Тамары. Жена вела себя как-то странно. Она встретила его из поездки холодно и продолжала дуться. Не похоже на нее. Она первой ложилась в постель, немного читала и засыпала, не перебросившись с ним ни словом. Ночью она отказала ему в близости.

«В чем дело? – полюбопытствовал он. – Какая муха тебя укусила?»

«Ты меня любишь?»

«Дурацкий вопрос! – возмутился Шестаков. – Мы с тобой не подростки, которые...»

«Я так и знала! Ты трахаешь своих пациенток, а потом приходишь домой и хочешь секса с женой. Что ты за тип? Может, наконец, объяснимся?»

«Разве мы не договорились обо всем в самом начале? Я предупреждал, что не выношу однообразия. Ты согласилась на мои условия. Я пообещал, что не буду иметь претензий, если ты тоже захочешь переспать с кем-нибудь. В чем проблема?»

«Проблема в тебе! Ты стал слишком часто пропадать. То на сутки, то на двое, то на неделю. Где ты проводишь время? Сколько у тебя любовниц?»

«Я тебя не спрашиваю, с кем ты развлекаешься в мое отсутствие».

«Поездки в Индию – отдельный вопрос, – наседала Тамара. – Я терпеть не могу эту страну. Грязища, сутолока, коровы бродят по улицам. Что ты там забыл? И не говори, что стремишься к просветлению!»

«А если это так и есть?»

Жена криво усмехнулась и покачала головой.

«Раз ты туда повадился, у тебя появилась какая-то цель. Без цели ты и шагу не ступишь! Мне плевать, кого ты таскаешь в Гоа, но скажи своим подружкам, чтобы они оставили меня в покое!»

Доктор сердито воззрился на нее. До сих пор он ни одну женщину не возил в Индию. Аля была первой. Неужели жена что-то заподозрила? Вряд ли. Тамаре даже про гашиш неизвестно. Он держит «травку» в тайнике, о котором жена не знает.

Он ходил из угла в угол, ощущая смутную тревогу. Аппетита не было, но Шестаков разогрел суп и заставил себя проглотить половину тарелки. После еды он позвонил Маше.

– Ты свободна сегодня вечером? Я хочу встретиться.

– Сегодня не получится, – огорчилась она. – У меня будут гости. Ты не поверишь! Я стою у плиты и запекаю утку с мандаринами. Если бы ты сказал раньше...

– Жаль.

Она еще продолжала что-то говорить, но доктор отключился. Следующий звонок был к Але.

– Ты дома?

– Я на работе. Хожу по городу, агитирую людей, чтобы они покупали китайские добавки. У меня упали продажи. Надо наверстывать.

– Я бы хотел провести этот вечер с тобой. Соскучился.

– Извини, сегодня никак.

Он бросил взгляд на часы и уточнил:

– Когда ты заканчиваешь?

– Поздно.

– Может, пригласишь меня к себе? Вместе приготовим ужин... с шампанским и при свечах.

Аля колебалась. Предложение было заманчивым, но у нее в квартире неубрано, и вообще, она не настроена. После того, как она увидела Гора копающимся в навозной куче, у нее случилась тихая истерика. Деревня, куда он приехал, неухоженный деревянный дом, какие-то бутылки, лопата, отвратительный запах лошадиного помета произвели на Алю самое дикое впечатление. Сказать, что ее это потрясло, – значит ничего не сказать.

Ту злополучную ночь она провела в сарае, а утром, едва рассвело, выскользнула со двора и побрела на трассу, проклиная свое чертово невезение. Ее подобрала попутка. Всю дорогу Аля вздыхала, прижимая ко рту носовой платок. Водитель грузовой «Газели» деликатно помалкивал. Но в конце, высаживая случайную попутчицу, не удержался: «У тебя горе? Может, умер кто?»

«Умер...» – кивнула она и подумала, что в сущности это так и есть. Все, кого она любила, умерли по одной и той же причине. А теперь еще и Гор...

– Ну, как насчет ужина? – прозвучал в трубке его настойчивый голос.

– Я вернусь не раньше десяти, – промямлила она. – Жутко уставшая и злая. Ты разочаруешься.

– Ладно, я все понял.

– Не обижайся, просто...

– Никаких обид! – бодро заверил ее Гор. – Ты же знаешь, я преодолеваю свое эго.

Он тщательно скрывал злость. Аля скрывала смятение. У нее хватило ума не проговориться о том, что она видела. Гор ни о чем не догадывался...

Глава 11

Тамара смотрелась в зеркальце и поправляла макияж, когда сзади ее кто-то обнял. Она дернулась, и пудреница чуть не выпала у нее из рук.

– Испугалась? – прошептал ей в ухо Антон. – Я больше не мог терпеть. Очень хотелось прикоснуться к тебе.

– Умеешь ты подкрасться! У меня сердце в пятки ушло! А если бы зеркальце разбилось? Плохая примета.

Рабочий день в рекламной фирме «Фаворит» давно закончился. Тамара, как обычно, задержалась: подбивала итоги, пила кофе.

– Почему не идешь домой? – спросила она у Рябова, убирая косметичку в сумку. – За сверхурочные доплаты не положено. Зря стараешься.

– Я тебя жду.

– Не стоит.

Антон почти каждый вечер подвозил ее домой на своей машине, а потом смотрел, как она заходит в парадное. Так ему было спокойнее.

– Почему? Что случилось?

– Ничего.

– Тебе доставляет удовольствие мучить меня?

Тамара сегодня выглядела рассеянной и подавленной. Под глазами темные круги, лицо бледное, руки дрожат. Может, ей нездоровится? Или от босса досталось? Перед обедом тот вызвал ее к себе, они долго беседовали за закрытой дверью. Но такое бывало и прежде.

– С мужем повздорила? – брякнул Антон.

Видимо, он попал в точку. Тамара вспылила, толкнула чашку. Кофе разлился на бумаги. У нее все валилось из рук.

– Что ты пристал? – чуть не плакала она. – Какое тебе дело? Думаешь, я уйду от мужа к тебе? Ругаться на кухне с твоей мамашей?

Из ее глаз брызнули слезы, краска потекла. Антон пожалел о вырвавшихся словах, но вернуть их было нельзя. Тамара отправилась в туалет приводить себя в порядок. Вышла она оттуда недовольная и решительно отказалась ехать в машине любовника.

– Я поймаю такси, – отрезала она. – И не смотри на меня так!.. Как вы меня все достали!..

«Точно, поссорилась с Шестаковым, – заключил Рябов. – Может, у него новая пассия? И ситуация не в пользу Тамары? До сих пор доктор ни в кого не влюблялся, но...»

Он первым вышел из офиса, уселся в свой «Шевроле» и принялся ждать. Тамара ловила такси. Она привлекала внимание элегантным видом и фигурой. У Антона перехватило дыхание, когда он представил, как раздевает ее... как они целуются до боли, до помрачения ума...

Тряхнув головой, он тронулся и поехал за машиной с шашечками на крыше. Такси мчалось по знакомому маршруту на Ивановскую улицу. Антон старался не отставать, ведь колдунья из Черного Лога не рассеяла его дурные предчувствия. Наоборот, посоветовала по возможности оберегать Тамару.

Антон до последнего времени не был мистиком. Должно быть, любовь делает людей дураками. Особенно мужчин.

– С чего ты взял, что женщины умнее? – заговорил он сам с собой. – Небось, Тамара любит своего блудливого муженька, а с тобой крутит роман ему назло! Банально мстит! А ты – орудие ее мести.

Его бросило в жар, руки вспотели, и пришлось вытереть ладони салфеткой. Стоило ему на секунду отвлечься, и он потерял такси, в котором ехала Тамара. Беда невелика. Дорогу к ее дому он найдет с закрытыми глазами.

При мысли, что Тамара может его бросить, молодой человек закрипел зубами. Он чувствовал, как внутри него зреет взрыв. Люди наподобие Шестаковых были для него непонятны, вызывали недоумение. Живут в браке, но постоянно заводят интрижки на стороне. Тамара делает карьеру, ее муж увлекается всякой фигней. Подсел на восточные практики, повадился в Индию, и вообще... как Тамара терпит его фокусы? Она жалуется, возмущается, но не уходит. Продолжает жить с этим уродом, страдает. Оправдывает его и себя тем, что они с мужем, якобы, заключили договор: не посягать на свободу друг друга.

Чуждачества заражны. В последнее время Антон начал замечать странности и за собой. Не будь он близок к Шестаковым, разве ему пришло бы в голову ехать в какой-то захудалый Черный Лог, обращаться к сомнительной личности за сомнительным предсказанием? Его настолько измучили черные мысли и страх за Тамару, что он готов был на любой шаг. Даже откровенно нелепый.

Сворачивая на Ивановскую улицу, Антон заметил такси. Похоже, то самое, в которое села Тамара. Оно выезжало навстречу. Значит, пассажирка вышла. Он не запомнил номера, и это сбilo его с толку.

Во дворе он поискал глазами окна квартиры Шестаковых. Те были темными. Тамара еще не успела подняться на четвертый этаж. Она не пользуется лифтом, поддерживает форму.

Рябов для удобства опустил стекло и в напряженном ожидании уставился на черные прямоугольники. Свет в окнах не загорался. Шестакова, вероятно, еще нет дома, а где Тамара... почему она не включает свет?

– Черт! – пробормотал он, продолжая сидеть и ждать.

Через десять минут он набрал ее номер, но Тамара не брала трубку. Антон позвонил детективу по фамилии Лавров и, волнуясь, выпалил:

– Вы обещали, что в экстренном случае я могу обратиться к вам...

Он ни разу не видел человека, с которым говорил. Они общались по сотовой связи. Не было нужды в личном знакомстве. Кажется, теперь повод представился.

– Господин Рябов?

– Да, это я, – еще больше разволновался Антон. – Тамара должна была прийти домой, но ее окна остаются темными. Она не отвечает на звонки. Я не знаю, что мне делать! Подняться в квартиру? Но это... не совсем удобно. Там может быть ее муж...

Он рассказал, как Тамара села в такси, как он ехал следом, потерял ее и стоит во дворе.

– Так вы не видели, вошла она в подъезд или нет?

– Не видел.

– Рано паниковать. Может, она в магазине или еще где-нибудь. Покупает продукты, а вы зря переживаете.

– Продукты... – растерянно повторил Антон. – В самом деле... я не подумал...

– Успокойтесь. Ничего страшного не случилось.

– У меня сердце не на месте... Вы не могли бы подъехать? Ивановская улица!

– Это далеко. Пока я доберусь, пройдет не меньше часа, – вежливо отказал сыщик.

– Послушайте, я готов заплатить за вызов...

В трубке раздался терпеливый вздох, и Лавров объяснил, что не видит необходимости мчаться на другой конец города.

– Наберитесь терпения, господин Рябов. Все образуется. Ваша барышня наверняка либо делает маникюр, либо сплетничает с подругой.

– У Тамары нет подруг!

– Такого не бывает, – усмехнулся детектив. – Давайте-ка я лучше доложу вам, что удалось выяснить про Машу Веткину.

– Вы нашли ее?

– Да. Ее настоящая фамилия Рамирес...

– Рамирес? Она не русская?

– Очевидно, у нее смешанная кровь. Маша Рамирес молода, привлекательна, сексуальна. Не удивительно, если Шестаков питает к ней нежные чувства.

– У них роман?

– Похоже на то. Маша – его пациентка, но они встречаются не только на врачебных приемах.

Рябов на минуту забыл о Тамаре. «Веткина» найдена! Теперь можно поговорить с ней, дать понять, что если с Тамарой произойдет несчастье, ей придется отвечать.

– Она опасна?

– Любой человек по-своему опасен, – осторожно выразился Лавров. – Маша Рамирес посещает салон магии «Эрна». Она надеется устранить соперницу с помощью «порчи».

– В смысле?

– Я бы на вашем месте успокоился. Раз Маша пользуется услугами магов, значит, она не собирается убивать жену доктора. Я имею в виду физически.

– Дурдом какой-то...

– Согласен. Я поговорил с Эрной, хозяйкой салона. Она обыкновенная шарлатанка, которая ловко пудрит людям мозги.

– Как вы определили, шарлатанка она или нет?

– У меня свой метод.

– Я не знаю, что и думать... Раньше я не верил во всякую чепуху, но после знакомства с Тамарой кое-что изменилось. У нее чокнутый муж, понимаете? Иногда мне кажется, что они оба чокнутые.

– Почему?

Антон смешался. Он вспомнил о женщине из Черного Лога, у которой детектив служил помощником, и прикусил язык. Чего доброго, Лавров оскорбится и перестанет заниматься расследованием. Этого допустить нельзя.

«Одному мне не справиться с ситуацией».

Он взглянул на темные окна Шестаковых и похолодел. Тамара не стала бы сидеть в темноте. Выходит, она не дошла до дома.

– Вы меня слышите, господин Рябов?

– А! Да-да... Я больше не могу ждать! Я пойду, проверю...

– Что вы собираетесь проверять?

Антон не ответил. Он отключил телефон и вышел из машины, оглядываясь по сторонам. Было тепло и тихо. Вдоль дороги светились фонари. Из открытого окна на первом этаже доносилась музыка... там смотрели телевизор, ужинали. Где-то в глубине двора бренчали на гитаре, переговаривались подростки.

Антон медленно прошелся по тротуару до парадного, постоял и двинулся назад, к булочной, где Тамара покупала свежий хлеб. Не факт, что с улицы выезжало то самое такси. Вероятно, Тамара вышла раньше.

От булочной Антон повернул к супермаркету. Тот еще работал. Входили и выходили люди с пакетами и сумками. Он искал среди них знакомую фигуру. Потом обошел вокруг супермаркета и оказался в сквере. Тамары нигде не было.

Он начал набирать ее номер и прислушиваться. Раз за разом. Вдалеке кто-то приглушенно смеялся. Ха-ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!

Тамара поставила себе необычный сигнал – залиvistый хохот. Антона обдало жаром, бросило в дрожь. Он кинулся вперед на эти веселые и жуткие звуки...

Глава 12

На шпильках было неудобно ходить по газону. Каблуки проваливались, застревали в земле. Маша пожалела, что не надела матерчатые лодочки.

Она достала из сумки совок, которым дети играют в песочнице, присела на корточки и выкопала в траве небольшую ямку. Положила туда мешочек с костями лягушки, золой, сушеными мухами и веточками какого-то пахучего растения. Все это она купила у Эрны. Та велела спрятать «клад» на пути возлюбленного и произнести необходимые заклинания.

Поскольку мешочек с колдовскими предметами в асфальт не закатаешь, Маша решила спрятать их в земле рядом с пешеходной дорожкой. Она улучила момент, когда поблизости никого не было, и сделала свое черное дело. Теперь доктор Шестаков будет чуть ли не каждый день ходить мимо этого места и все сильнее привязываться к ней.

Довольная, Маша отряхнула ладони, вытащила из кармана мятую бумажку и трижды прочитала абракадабру, которая была там написана. Эрна вручила ей текст вместе с содержимым мешочка. Насчет костей лягушки и сушеных мух у Маши возникли сомнения. Неужели такая гадость способна заставить мужчину потерять голову от любви?

Эрна заверила, что если сделать все правильно, результат гарантирован. «Ты не рассуждай, а действуй!» – приказным тоном заявила магесса. За ее услуги Маша отвалила кругленькую сумму. Размер вознаграждения, которое потребовала Эрна, внушал уважение к хозяйке салона. Такие деньги за ерунду не берут.

Маша порвала бумажку с заклинаниями на мелкие клочки и рассыпала по траве. Грязный совок отправился в урну. Она осмотрела свои брюки и заметила, что те выпачкались.

– Ладно, дома ототру...

Сегодня ей пришлось отказать Шестакову в свидании, но чем женщина не пожертвует ради любви! Встретиться они смогут хоть завтра, а сегодняшнее число Эрна высчитала по специальным «звездным таблицам». Это не шутки.

Маша со стыдом наплела любовнику про гостей и утку с мандаринами, а сама в нужное время отправилась на Ивановскую улицу закапывать волшебный мешочек. Теперь остается ждать, когда ритуал подействует.

Тамара, законная супруга доктора, ей больше не помеха. А сам Шестаков, как миленький, упадет к ее ногам. Эрна обещала.

Маша поправила волосы, повесила сумочку на плечо и уверенно зашагала к стоянке машин. Там она уселась в красный «гольфик» и покатила прочь.

За рулем она продолжала думать о докторе. Маша поставила себе цель завладеть им и не отступит. Слишком много уже сделано, слишком много поставлено на карту. Обратного пути нет. Только вперед.

Она вспомнила, как между ними *пробежала искра* и в первый раз случился секс. Это произошло в деревне, где у Шестакова дача – простой деревянный дом, довольно убогий. Когда доктор попросил ее о тайной услуге, Маша согласилась без разговоров. Она представляла себе, что угодно... но действительность оказалась проще и страшнее.

«Поклянись, что не будешь задавать мне вопросов! – потребовал он. – И не откроешь рта, пока я не позволю!»

Маша что-то проямлила. Ее уже заворожил и этот человек, и то, что он скрывал ото всех. С первого взгляда она поняла, что доктор – незаурядная личность. Философ, мистик, целитель, искуситель. Она сразу попала под его влияние, не могла не попасть. Ее душа жаждала новизны, а тело пылало в предвкушении его ласк. Она была уверена: рано или поздно это случится.

И вот, кажется, настал вожденный миг...

Шестаков привел ее в пыльную темную горницу, велел сесть, а сам зажег свечи и начал готовить какую-то адскую смесь. Запахло вином и уксусом. Доктор перемешивал золотистый порошок с бурой кислятиной и что-то бормотал себе под нос. Маша с ужасом наблюдала за ним. Она оцепенела в ожидании чего-то кошмарного, что должно было произойти.

«Раздевайся, – стоя к ней спиной, приказал Шестаков. – Снимай все!»

Маша по-настоящему испугалась. Что он собирается делать? Убить ее? Здесь они одни, никто не придет ей на помощь. Кричать бесполезно. Шестаков все предусмотрел. Окна закрыты, дверь на замке.

«Раздевайся!» – раздраженно повторил он.

Маша сжала зубы и принялась судорожно расстегивать платье. Оно соскользнуло с ее плеч, упало на пол. Доктор повернулся и смотрел, как она снимает бюстгальтер, стягивает тонкие нейлоновые трусики.

«Туфли тоже!»

Маша осталась совершенно нагая и босиком. Ее чувства странным образом и притупились, и обострились. Она была оглушена и в то же время отчетливо ощущала некоторые вещи: шероховатость половиц под ногами, сухость во рту, напряжение в груди, холод внизу живота. Мысли исчезли.

«Подойди сюда!»

Маша, дрожа от страха, подчинилась. Шестаков окунул руки в блестящую бурую жижу и сказал:

«Стой смирно!»

Все его фразы были короткими, четкими и в приказном тоне. Так же непререкаемо он разговаривал с больными на приеме. Это действовало как гипноз. Должно быть, он научился этому в Индии.

Маша не отрывала глаз от рук доктора, словно в буро-золотистых перчатках. Он прикоснулся обеими ладонями к ее шее и провел по коже вниз, по ключицам и дальше, по груди. Она вздрагивала, переминаясь с ноги на ногу. В нос ударил запах уксуса. Движения Шестакова были нежными, но твердыми, и перемежались отрывистыми командами:

«Повернись боком!» «Еще!» «Другим боком!» «Спиной!» «Лицо тоже!»

Он опускал руки в приготовленную бурду и намазывал Маше кожу, пока не покрыл ее всю слоем блестящей кислой жижи. Местами та начала подсыхать, а на ногах и спине еще оставалась мокрой. Маша замерзла, но не смела вымолвить ни слова.

«Ну вот... – удовлетворенно вздохнул доктор и отступил на шаг, любясь своей работой. – Готово! Недурно получилось, а? То, что надо!»

Он трижды обошел вокруг Маши, невнятно бормоча и одобрительно кивая головой.
«Повторяй за мной! Ты, царица Савская, явись в полчаса...»

Маша пыталась повторить, но ее переклинило. Трясаясь в ознобе, она не могла разжать губы и только мычала.

«Ты не корова! – разозлился Шестаков. – Повторяй то, что я говорю! Шевели языком!»

С третьего раза она сумела вымолвить то, что требовалось. Ожидание на лице доктора сменилось раздражением. Результат был не тот, на который он рассчитывал. Он заставлял Машу повторять разные непонятные слова, призывал каких-то духов... притопывал ногами, хлопал в ладоши, щелкал пальцами... Все было напрасно.

В гневе Шестаков пнул носком туфли стул с посудиною от бурды, и та с грохотом покатила по полу.

«Что опять не так? – взревел он, размахивая руками. – Что не так?!»

Доктор сорвал ситцевую занавеску и бросил Маше: «Прикройся!»

Она торопливо закуталась. К ней медленно возвращалось соображение. В доме нет ни воды, ни, тем более, ванны. Как здесь мыться? Не в речку же прыгать? Кожу пощипывало, хотелось почесаться, но она терпела.

Шестаков как будто забыл о Маше. Он метался по горнице, что-то негодуя бубнил, кому-то грозил, потом плюхнулся на стул и схватился за голову.

«Она меня не слышит... не слышит... Она не хочет иметь со мной дела...»

«Я вас слышу... – негромко молвила Маша. – Я на все согласна...»

«Дура!»

Она обиженно зашмыгала носом. Хотела заплакать, но слезы не шли. Все тело горело под слоем блестящей бурды.

«Мне надо помыться, – прошептала она. – Принесите воды, Егор Дмитрич...»

«Смыть! Все смыть к чертовой матери! – вскинулся он. – Ничего не вышло!.. Ничего!»

Он дернул ее за руку и потащил во двор. Над крышей сияла луна. В воздухе звенели комары. Маша не помнила, как сунула ноги в старые резиновые калоши, как оказалась на берегу речки.

Шестаков сбросил одежду и, с шумом раздвигая камыши, увлек Машу в теплую, пахнущую тиной воду. Они долго плавали, плескались, ныряли.

«Ты русалка, – твердил доктор. – А я водяной! Мы с тобой – нечистая сила!»

Он казался безумцем, и Маша инстинктивно сторонилась, терла листком кувшинки кожу, чтобы быстрее смыть краску. На воде дробилась, переливалась светом лунная дорожка. Где-то на берегу в зарослях ивняка вскрикивала ночная птица.

Они вернулись в дом за полночь. Доктор дал Маше свою рубашку, а сам шел в мокрых после купания плавках, неся в руках джинсы. Комары лезли в лицо, нещадно кусались. У Маши зуб на зуб не попадал. Она порывалась заговорить, но не находила нужных слов.

В доме она попросила хозяина растопить печку. Тот рассмеялся: «Лето на улице, какая печь?» Чтобы согреться, он предложил водки. Достал из старого шкафчика початую бутылку и две граненых стопки.

Маша выпила и легла на жесткий диван. Происшедшее с ней в этой неприбранной горнице казалось сном, диким и нелепым. Шестаков ходил кругами, о чем-то думал. Потом снял плавки и повесил на спинку стула просушиваться, а сам обмотался полотенцем. Он совершенно не стеснялся Маши, как будто они были давно близки.

Перед глазами у нее все плыло. Доктор прилег рядом, положил руку ей на грудь... она не противилась.

«Что это было?» – спросила она между поцелуями, имея в виду странный ритуал.

«Провал. У меня ничего не получилось...» – прошептал он.

«А чего ты хотел?»

Как-то само собой вышло, что Маша тоже стала обращаться к нему на «ты».

«Проклятый дом! – процедил доктор. – Он будто издевается надо мной!»

«Кто такая царица Савская?»

Вместо ответа он навалился на нее и совершил то, что она столько раз представляла себе в эротических грезах. Все смешалось в этом бурном и быстром соитии: пережитое потрясение, выпитая на пустой желудок водка, ночное купание в реке, страх и затаенное желание. Должно быть, поэтому Маша испытала оглушительный оргазм, который с тех пор ни разу не повторился. Сотни сладостных молний пронзили ее, и долго, долго еще вспыхивали и гасли в ее лоне, рассыпаясь веерами искр, медленно остывая.

Задумавшись, она зазевалась и едва не подрезала серый внедорожник. Водитель сердито посигналил.

– Боже! Я чуть не устроила аварию...

Маша постаралась успокоиться. За рулем нельзя давать волю эмоциям, слишком глубоко погружаться в себя.

С той памятной ночи она не могла думать ни о чем, кроме своего кумира. Шестаков так и не объяснил ей, зачем возил ее в деревню, намазывал бурой жижей и что-то бормотал. Чего он ждал от нее? Неужели это был медицинский эксперимент? Ей закралась в голову мысль, что происходящее больше походило на колдовство. Доктор постигал в Индии мистические практики, которые рискнул применить на ней. Из всех обожающих его пациенток он выбрал именно ее, Машу! Потому что она молода, красива и горяча, как необъезженная лошадка диких кровей. Другой такой нет.

Однако при этом доктор не торопился бросать жену и сходить с Машей. Она подозревала, что у него есть еще любовницы, и бешено ревновала. Но из всех соперниц самая опасная – законная супруга. Именно ее Маша ненавидела всей душой, именно ее жаждала уничтожить.

На ум пришел торопливый, запальчивый разговор с Эрной. Маша настаивала на решительных мерах, магесса советовала «не гнать лошадей».

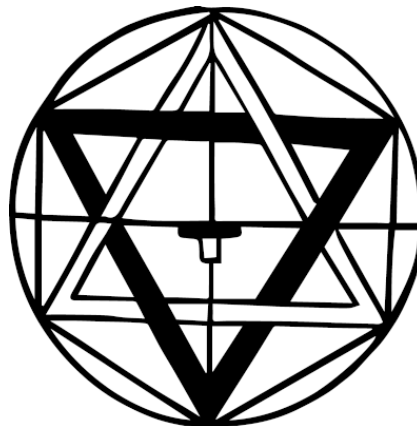
«Тебе нужен мужчина или труп его жены?» – грубовато спросила Эрна.

Маша колебалась. Существует один надежный способ избавиться от Тамары, но вымолвить это вслух язык не повернулся.

«Дай мне верное средство против нее! – взмолилась Маша. – Пусть заболит, зачахнет!»

Эрна качала головой, предупреждала о последствиях. Маша ничего не хотела слушать. Она начала писать Тамаре угрожающие письма на «Фейсбук». Шестаков этого не знал. Она писала под вымышленной фамилией и верила, что никто ни о чем не догадается...

Глава 13

Антон опустился на колени и протянул руку к распростертому на траве телу. В двух шагах валялась сумочка, откуда доносился «хохот». Это была Тамара – ее юбка с разрезом, босоножки на каблуках... ее волосы...

Молодой человек отключил свой телефон, и «хохот» прекратился. Он не мог оторвать глаз от голой женской ноги – гладкое бедро, точеная икра, изящная лодыжка.

Живые не могут лежать в такой неудобной позе: лицом в землю, руки разбросаны...

– Ей же нечем дышать! Тома...

Он коснулся пальцами ее головы и отдернул руку. Пальцы были в крови. Волосы на затылке Тамары намокли и потемнели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.